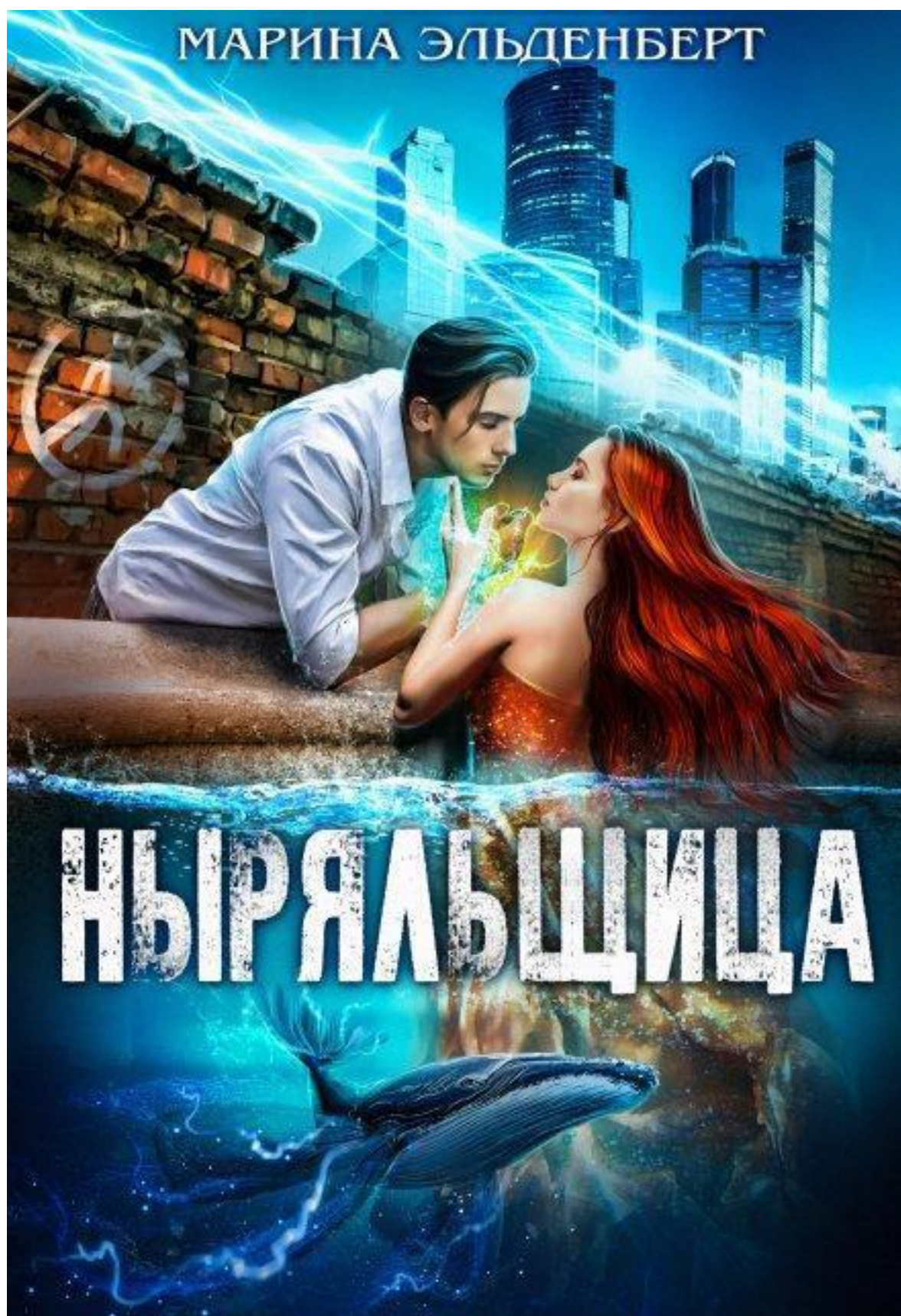

МАРИНА ЭЛЬДЕНБЕРТ

Марина Эльденберт

Ныряльщица

«Литнет»

2019

Эльденберт М.

Ныряльщица / М. Эльденберт — «Литнет», 2019

Лайтнер К'ярд живет в мире, в котором мне никогда не будет места. Так же, как ему не будет места в моем. Когда я думала об этом, я даже не представляла, что на самом деле значат эти слова. Не знала, какую тайну скрывает моя пропавшая сестра. Тайну, способную нас уничтожить. Или навсегда изменить мир.

© Эльденберт М., 2019

© Литнет, 2019

Содержание

Глава 1. Проблема доверия	5
Глава 2. Дипломатия или вроде того	9
Глава 3. Ныряльщица	15
Глава 4. Проверка на прочность	19
Глава 5. Легенды и реальная жизнь	24
Глава 6. Недружеские отношения	28
Глава 7. Сторона обвинения	33
Глава 8. Совместная практика	39
Глава 9. Бессильный	43
Глава 10. Ночная смена	48
Глава 11. Откровенно о главном	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Глава 1. Проблема доверия

Вирна Мэйс

— Что здесь происходит? — Голос К'ярда старшего — голос правителя, он звучит как глухой гул набирающего силу вулкана.

Он сам напоминает скалу, неприступную и вечную, о которую способна разбиться любая, даже самая мощная волна. Высокий, с темными волосами, в которые вплетены стальные нити седины. Под тяжелым взглядом глаз цвета пламени, отличающих расу вьерхов, любой почувствует себя неуютно. Его сила и власть непререкаемы, и именно они подбрасывают со стульев всех без исключения политари, даже ведущую протокол девушку. Сидеть в кабинете остаемся разве что мы. То есть я и К'ярд.

— Ньестр К'ярд. — Политари не двигается с места, вытянувшись в струну. — Со слов ниссы Мэйс сегодня ночью на нее было совершено нападение...

— Довольно. — В мою сторону он даже не смотрит, смотрит исключительно на своего сына, и я каким-то непостижимым образом чувствую, насколько тот напряжен. — Лайтнер.

Он поворачивается к отцу и поднимается. Сейчас, когда они стоят лицом к лицу, я замечаю, насколько темнее у младшего К'ярда глаза. Темнее в том смысле, что я никогда не видела у вьерхов таких глаз, погасших, как опрокинутая со стола лампа. По лицу правителя Ландорхорна проходит судорога, от которой градус напряжения в кабинете стремительно возрастает.

— Нэрптан Диер сказал правду. Сегодня ночью на Вирну было совершено покушение...

— На Вирну. — Теперь, наконец-то, он смотрит на меня, но смотрит так, словно не против раздавить, а потом пойти помыть руки и забыть, как о досадной неприятности. Раньше этот взгляд вдавил бы меня в стул, но не сегодня. Не сейчас. Не после того, как Ромина швырнула меня в море со связанными руками, без единого шанса на спасение.

Поэтому я возвращаю ему прямой взгляд.

На миг в его глазах мелькает изумление, смешанное с раздражением, которое тут же сменяется хрустящим холодом, когда он снова смотрит на сына.

— Лайтнер, мы уходим.

Он уже почти разворачивается, когда слышит:

— Нет.

На этом у меня сдают нервы. Я могу сколько угодно делать вид, что мне все равно, но мне не все равно. Я упала с огромной высоты, у меня болит все, что только можно, я мысленно попрощалась с сестрами, и сейчас, когда я все это понимаю, меня начинает трясти. При мысли о том, что сегодня утром Митри и Тай могли остаться одни, что их в лучшем случае запихнули бы в самый дешевый социальный приют, что меня бы даже не нашли, а Ромина с подружками продолжала бы бегать по вечеринкам, красить ногти и улыбаться.

— Мне пора, — говорю я и сбрасываю плед.

Мои слова вспарывают тишину гораздо резче, чем это только что сделал Лайтнер, и теперь все смотрят на меня.

— Я вас не отпускал, нисса Мэйс. — Голос К'ярда-старшего ударяет в меня волной.

— А я у вас не отпрашивалась. Все мои показания зафиксированы, при желании вы можете с ними ознакомиться.

Не дожидаясь ответа, огибаю его и выхожу в коридор. В голове у меня творится нечто странное: события последних часов скатываются в клубок водорослей, вытащить из которых хоть одну связную решительно не получается. Меня бросает то в жар, то в холод, трясет и колотит так, что зуб на зуб не попадает, я бреду по коридору, обхватив себя руками и думаю о

том, что мне нужно как можно скорее попасть домой. Каким-то чудом умудряюсь даже найти выход из участка, но только оказавшись на центральном проспекте понимаю, что у меня нет ни сумки, ни тапета, ни документов.

Эта мысль обрушивается на меня в тот самый момент, когда из участка вслед за мной вылетает К'ярд. Он очень вовремя: его появление спасло меня от желания сползти по стене и завывть, уткнувшись лицом в колени.

— Куда ты собралась? — рычит он.

— Домой.

— Тебе нужно в больницу.

— Мне нужно домой.

Мы смотрим друг другу в глаза, и я чувствую, что во мне не осталось сил. Я не могу даже спорить, не говоря уже о чем-то большем, но к счастью, он спорить тоже не собирается.

— Домой так домой, — говорит он и указывает на припаркованный чуть поодаль эйрлат.

Соппротивление бесполезно. А главное, бессмысленно, потому что без него я не попаду домой, я вообще никуда не попаду, поэтому я молча иду к машине. Молча сажусь и смотрю только вперед. Пока мы взлетаем, пока движемся над городом в сторону Пятнадцатого. Сменяются районы, один за другим, но я молчу.

Стараюсь не думать о том, что произошло, но не думать не получается.

Алетту еле вытащили, меня тоже, но для Ромины это просто испорченный вечер. Для вьерхи просто испорченный вечер — то, что могло стать концом жизни для двух обычных девочек.

И стало бы.

Если бы не К'ярд.

Он тоже вьерх, но он меня спас. Этого я не могу отрицать, поэтому и говорю:

— Спасибо.

— О, — он вскидывает брови, — благодарность от Вирны Мэйс. Сегодня что-то случится.

Я отворачиваюсь.

— Прости, — доносится спустя минуту. — Насколько ты понимаешь, я тоже слегка не в себе.

Я не отвечаю, просто смотрю на проносящиеся мимо дома, границы районов побогаче не настолько резкие, как у дальних. Когда они сменяются, эйрлат словно пересекает невидимую черту, где стены становятся грязнее, этажность — ниже, а улицы превращаются из широких лент проспектов в трущобы. Это — мой мир, его остался в центре, и это тоже надо понимать.

Чего я не понимаю, так это с какой радости он сиганул за мной в воду.

— Почему?

— Почему — что?

— Почему ты это сделал?

К'ярд хмурится.

— То есть по-твоему я должен был просто стоять и смотреть, как тебя убивают?

— Друзья Ромины просто стояли и смотрели.

— При чем тут я? — Его голос становится опасным, совсем как у отца.

— Ну, вы тоже вроде как... друзья.

— Она мне никто, — резко отвечает он.

— Так же, как М'эль?

Последнее вырывается совершенно не в тему, но изменить этого я уже не могу. Совершенно точно не могу, поэтому остается только мысленно называть себя маруной и так же мысленно представлять, как отгрызаю себе язык по самый корень. Определенно, падение с высоты отрицательно сказалось на моих умственных способностях.

— Кьяна мой друг, — неожиданно заявляет он.

— Ты серьезно думаешь, что мне это интересно?

— То есть для тебя в порядке вещей интересоваться тем, что не имеет для тебя ни малейшего значения?

— Мне же нужно было поддержать разговор, — последнее звучит с издевкой, и я даже не представляю, откуда на нее силы берутся.

— Ну да, — доносится справа. — Ты же у нас общаешься только с избранными.

— Это ты сейчас о ком? — хмыкаю я, по-прежнему не глядя на него.

— О парне, с которым ты лизалась на берегу.

Пока до меня доходит, о чем он говорит, я тупо пялюсь на город. Понимаю, что летим мы уже над Четырнадцатым, и что К'ярду я совершенно точно не говорила, где живу. Мысли о том, что об этом знают все, что все знают больше меня, становятся последней каплей.

— Я. Ни с кем. Не лизалась, — цежу сквозь зубы, яростно сжимая кулаки и испытывая желание как минимум ему врезать. — Это парень моей сестры.

— Да, я в курсе.

— Она пропала! — почти ору я. — Я пытаюсь ее найти, уже несколько недель пытаюсь ее найти, и не могу!

После этого в салоне воцаряется тишина. Такая громкая тишина, от которой звенит в ушах, и мне снова хочется врезать — на этот раз себе, тоже до звона в ушах. Она звенит во мне до той самой минуты, пока эйрлат летит над Пятнадцатым. Пока опускается на моей улице, чуть поодаль, потому что рядом с домом толком сесть не получится. Небо над морем начинает светлеть, и в эту минуту я понимаю, что ключей у меня тоже нет.

Придется будить Митри.

И денег нет тоже. Только те, что остались у сестер. На сколько их хватит?

Оглушенная этой мыслью, я возвращаюсь в реальность только когда К'ярд касается моего плеча. Прикосновение отдается странным теплом, и лишь спустя пару мгновений я понимаю, что не дернулась, не шарахнулась в сторону, да я вообще не сделала ничего из того, что обычно происходит, когда меня пытается коснуться посторонний. К'ярд ничего не заметил, но достаточно уже того, что заметила я.

— Почему ты ничего не сказала? — Он снова хмурится.

Когда он хмурится, становится еще больше похожим на отца, и это окончательно отрезвляет. Я толкаю дверцу и выхожу, чувствуя на себе пристальный взгляд все время, что иду к дому. Даже когда стучу ногой, потому что колотить кулаками по нашей двери себе дороже, занозы замучаешься вытаскивать.

— Вирна? Что случилось?!

Заспанное лицо сестры мигом становится встревоженным, но я просто захожу в дом, на ходу бросив:

— Потом.

В комнате просто стягиваю одежду, сбрасывая ее на пол, падаю на диван и заворачиваюсь в плед. Митри какое-то время стоит в дверях, но потом все-таки уходит, и только тогда под пледом меня начинает трясти по-настоящему. Я позволяю этой дрожи взять верх, а слезам — катиться по щекам до полного опустошения. Когда оно наступает, солнце уже поднялось, и мне приходится тащиться к окну, чтобы задернуть шторы. Первое, что бросается в глаза — накатывающие на берег волны, от которых передергивает.

Второе — стоящий в конце улицы эйрлат, который отлично видно под таким углом.

С силой задерживаю шторы и возвращаюсь на диван, почти сразу после этого раздается стук в дверь:

— Вирна? — голос Митри. — С тобой все хорошо? Спишь?

Молча переворачиваюсь на другой бок: никаких больше разговоров, пока не приду в себя. Сегодня я и так сказала слишком много, и сказала это тому, кому совершенно необязательно об этом знать.

Глава 2. Дипломатия или вроде того

Лайтнер К'ярд

Я не знал сколько просидел в эйрлате возле дома Мэйс.

Произошедшее этой ночью просто отказывалось укладываться в голове. Это будто бы случилось во сне, или с кем-то другим, но точно не со мной. Начиная со ссоры в «Бабочке», где Вирна набросилась на меня с кулаками, и заканчивая прыжком в океан.

Свист ветра.

Удар.

Сомкнувшаяся надо мной вода.

Воспоминания мелькали перед глазами, как на ускоренном просмотре. А от некоторых вовсе начинали подрагивать пальцы, и тогда я сильнее стискивал их на рогатке эйрлата.

Сегодня мне было по-настоящему страшно, не признать это — означало солгать самому себе. Да едх, я едва не сдох. Но я едва не сдох при мысли, что навсегда потеряю девчонку с теперь уже голубыми волосами. Которая вторглась в мой мир и перевернула его с ног на голову.

Этой ночью многое изменилось. Во мне самом.

Я не мог поступить иначе, и не жалел ни о чем ни секунды. Разве что о своем поведении в клубе: Хар (я искренне надеялся, что мы по-прежнему друзья) был прав. Я вел себя как настоящий урод, когда издевался над девчонкой, у которой пропала сестра.

Едх!

Откуда же я мог знать про сестру?

Скептик внутри подсказывал, что мог. Я мог заставить Родди выяснить абсолютно все о Вирне Мэйс. Мог бы спросить это у самой девчонки, добиться, чтобы рассказала правду. Но я не захотел. Считал, что она просто ломается и набивает себе цену. Проблема была в том, что я не пытался ее понять, поставить себя на ее место.

Я относился к ней, как к девчонке-вьерхе. Той, что думает лишь о модных шмотках и парнях. Хотя, скорее, как к забавной игрушке.

И напрочь забыл, что Вирна человек.

Человек, которого можно просто вышвырнуть из академии за единственный прогул, уволить за то, что ты не понравился одному засранцу-вьерху, или сбросить в океан, потому что никто не станет тебя искать. Как мусор.

Только Мэйс мусором не была. Игрушкой тоже. Она была живой. Настоящей. Сильной. Как океан.

Даже произошедшее этой ночью ее не сломило, хотя я видел, что девчонка едва сдерживает слезы, прячет их за показным безразличием. Что ж, сегодня у меня получилось вызвать в ней эмоции. Дважды. Но от своей выходки гадко было до сих пор.

Что я говорил про долг Мэйс? Теперь я ее должник. Того, что Эн вытащил Вирну из бушующей воды — мало. Это из-за меня она оказалась в океане. Значит, мне это и исправлять. Исправлять то, что натворил.

И я исправлю.

Вот только как заставить ее принять мою помощь?

Я очнулся только когда солнце уже светило во всю, будто вынырнул из собственных мыслей. Щурясь от солнечных лучей, завел машину и направил эйрлат в сторону дома.

Пытаться поговорить сегодня с Вирной — не вариант. В лучшем случае она пошлет меня к едхам, и будет полностью права. В худшем — просто не откроет дверь. Я бы, наверное, тоже не открыл.

Нет, Мэйс необходимо отойти ото всего этого кошмара, прийти в себя. И мне это нужно тоже. Так что разговор откладывается, как и поездка в «Бабочку». Хотелось свернуть на Четвертый, вызвать владельца клуба и приказать ему немедленно вернуть ей работу, а после отправиться к политари и потребовать искать сестру Вирны. Но я понимал, что моих сил оставалось лишь на автопилоте добраться домой, и что спешка в этом деле может сделать только хуже.

В парадную дверь родительского особняка я не вошел, а почти ввалился, искренне радуясь наличию лифта. Правда, воспользоваться последним мне было не суждено: в холле меня встречал отец.

Дигтхард К'ярд застыл возле стены, на которой красовалось полотно с изображением голого острова, парящего над бушующим морем. Оно принадлежало кисти Б'эльха, одного из самых известных художников прошлого века. Мама всегда говорила, что эта картина ее пугает, но отец все равно повесил «Шторм» напротив входа. Наверное, ему хотелось, чтобы все завидовали тому, что у него есть Б'эльх. Ну или чтобы с порога чувствовали себя не в своей ракушке. Но сейчас плевать я хотел на то, что ему там хотелось. Меня ждала постель и сон. Много-много сна.

Вот только если папаша рассматривает «Шторм», жди урагана.

Тем более если он встречает меня лично.

— Я не в настроении разговаривать, — бросаю и направляюсь в сторону лифта.

— Тебя никто не спрашивает, Лайтнер.

Отец следует за мной, но, когда мы оказываемся в кабине лифта, нажимает на этаж, на котором находится его кабинет, и я прислоняюсь к стене и мысленно прощаюсь с надеждой проскочить в собственную спальню незамеченным. А заодно и со спокойным сном. В зеркале отражается лицо отца: ромбовидный, пылающий зрачок, раздутые от едва сдерживаемого гнева ноздри и сжатые челюсти.

Лифт подкидывает на этаж, и двери открываются.

— Идем, — приказывает Дигтхард К'ярд. — Тебе ждет доктор Э'рер. В моем кабинете.

— Доктор? — приподнимаю брови, хотя по коже стелется холодный пот. — Не знал, что тебя так заботит мое здоровье.

Отец резко выбрасывает руку вперед и впивается пальцами в мой подбородок. До боли, которая отрезвляет, переключает с режима «наплевать» на режим «ярость». Поэтому я стряхиваю его руку.

— Не зли меня, мальчишка, — почти шипит он. — Ты лучше меня знаешь, что оставил в океане.

— Мне нужен отдых, а не доктор.

— Вот и посмотрим.

Не отвяжется же! А новой битвы я могу не выдержать.

Поэтому первым выхожу из лифта и, стараясь идти ровно, направляюсь в сторону отцовского кабинета. Только сейчас понимаю, что вымотан настолько, что каждый шаг дается с трудом, а рухнуть на диван в кабинете — настоящий кайф.

Я не слишком вежлив с доктором, но и он по просьбе отца не церемонится, прикладывая к моей голове различные датчики, считывающие силу. Силу въерха, которую я сейчас в себе не чувствую.

Осмотр длится не больше двадцати минут (по крайней мере об этом говорят часы на стене кабинета), но у меня ощущение что несколько часов. Потому что силы утекают как вода. Я даже умудряюсь задремать, поэтому вздрагиваю от легкого похлопывания доктора Э'рера по плечу.

— Истощение, — оглашает он свой вердикт. — И достаточно сильное.

Как будто я сам этого не знаю? Любая попытка вызвать хотя бы крохотную искру между пальцами заканчивается тем, что у меня начинает двоиться в глазах.

— Последний раз я сталкивался с таким в двадцатых, когда к Ландорхорну подошла Нресская волна. Тогда вьерхи падали без сил, пытаюсь сдержать стихию. Кто-то замертво.

Доктор бросает на меня внимательный взгляд из-под седых бровей. Он стар, я помню его с самого раннего детства: неудивительно, что вьерх застал последнюю гигантскую волну, пришедшую к берегам Ландорхорна со стороны океана, и катастрофу, случившуюся задолго до моего рождения. Еще Э'рер предан К'ярдам, поэтому меня осматривают в отцовском кабинете, а не тащат в больницу.

— Тебе очень повезло, Лайтнер, — добавляет доктор, и в его голосе слышатся забота и беспокойство, — что ты не остался в океане навсегда и смог выбраться на сушу...

— Какие прогнозы? — перебивает его отец.

— Силы со временем вернутся, нужен только отдых и исключить контакт с водой.

Хидрец!

Я пытаюсь подняться с дивана, но быстро понимаю, что это не так просто, как кажется.

— Вы еще скажите, что мне теперь даже в душ нельзя.

Представляю, как в академии все начнут шарахаться от вонючего меня, и даже пробирает на смех.

— В душ можно, — заявляет доктор, отражая мой сарказм, — но от прогулок по побережью придется отказаться. Не думаю, что это будет так сложно, Лайтнер.

Последнее Э'рер выдает уже с улыбкой: ему это кажется смешным. Действительно, что наследнику Диггхарда К'ярда делать на побережье.

Я с деланным безразличием созерцаю потолок.

Отказаться от океана.

Лучше бы запретили мыться, помимо шуток.

— Сколько? — Отец рубит фразы, и это означает, что он если не зол, то крайне раздражен. А я, кажется, вообще забыл как дышать.

— Так как Лайтнер молодой и сильный, то думаю, около трех месяцев. Возможно, меньше.

Три месяца? Три месяца!

Я останусь без силы, не смогу приближаться к океану целых три месяца...

Полный. Хидрец.

Я смотрю на отца, и вижу на его лице отражение собственных чувств: шок, недоверие и каплю надежды. Не знаю, умеет ли надеяться Диггхард К'ярд, но я не собираюсь сдаваться. Поэтому следующий вопрос успеваю задать первым:

— Это можно ускорить? Пройти восстановление?

Э'рер качает головой.

— Если бы истощение было не полным, могло бы сработать. Но теперь тебе поможет только соблюдение строгого режима, Лайтнер, который я тебе назначу. И тогда через несколько месяцев ты сможешь снова сворачивать горы...

— Вливание силы другого вьерха, — отвечает отец, и его ответ заставляет доктора нахмуриться.

— Это не вариант.

— Почему? Именно так поступали с военными, чтобы поскорее вернуть их в строй.

— Это были крайние меры, когда приходилось выбирать между здоровьем вьерха и жизнью миллионов...

— Но это срабатывало, — отрезает отец.

— Диггхард...

— Лайтнер мой наследник. Он учится в Кэйпдоре. Он не может бросить учебу, а без силы вьерха просто не сможет ее продолжать. Другие вьерхи сразу же почувствуют изменения в нем, не просто почувствуют, они это увидят, — он кивает в мою сторону. — Ты видел его

глаза. Все поймут, что случилось, но я не позволю, чтобы это просочилось в прессу. Это ляжет пятном на его репутацию.

А заодно и на репутацию отца. Именно поэтому он вызвал Э'рера. Именно поэтому немедленно приехал в участок, как только политари расстарались ему обо мне доложить. Именно поэтому позволил мне утром уйти вслед за Вирной. Чтобы не раздувать скандал. Все политари — люди, так что они не могли почувствовать или заметить отсутствие моих сил. Плевать он хотел на меня, более того, наверняка считал, что это очередной нужный урок. Но это могло здорово навредить ему самому.

В другой раз я бы даже позлорадствовал, если бы это не касалось меня, поэтому интересуюсь:

— Что не так с этим вливанием?

— Вливание не ускорит процесс восстановления, — все еще хмурится доктор. — Чужая сила есть чужая сила, она не заменит твою собственную, несмотря на родственные связи, она вряд ли приживется и будет очень быстро расходоваться. Можно сказать, испаряться. В лучшем случае тебе придется пополнять ресурс раз в несколько дней, в худшем — делать это ежедневно.

— Это может помешать мне вернуть свои силы?

— Нет-нет, я уже говорил, что от этого ничего не зависит.

— Тогда в чем подвох?

В том, что подвох есть, я не сомневаюсь. Иначе бы Э'рер не начал спорить с отцом. С Дигтхардом К'ярдом вообще предпочитают не спорить. А значит, причина должна быть существенной.

— Это не слишком приятная процедура.

— Обучение вьерхов тоже не собирание ракушек на берегу, — напоминаю я.

Это чистая правда.

Особенно такое обучение, которое мне с самого детства устраивал отец. У меня были лучшие учителя, много дополнительных занятий по раскрытию способностей. Не считая того, что все это еще контролировал правитель Ландорхорна, а я из кожи вон лез, чтобы ему угодить. Поэтому не на словах знаю о том, как после тренировок ломит тело, ты падаешь на постель и тебе даже снов никаких не снится.

— Те, кто перенес вливание силы рассказывали, что ощущение такие, словно тебе сжигают заживо изнутри.

Едх! А доктор решил мои чувства не щадить. Но, может, это и к лучшему.

— И после... Мы не знаем, как она поведет себя после.

— Придется потерпеть, если ты хочешь, чтобы никто не узнал о твоей проблеме, — напоминает о себе отец. — Но зато в тебе будет сила вьерха.

Чужая сила.

— Подумай, Лайтнер. — Доктор поднимается. Больше ему здесь делать нечего. — Решать только тебе.

Он прописывает мне какие-то витамины, обещает отправить на тапет указания и даже рацион питания, который просит неукоснительно соблюдать. Я киваю, но больше для того, чтобы от меня наконец-то отстали. Когда за Э'рером закрывается дверь, я тоже поднимаюсь с желанием свалить отсюда подальше. Меня уже даже не так сильно штормит.

— Мы не закончили, — холодно произносит отец.

— Закончим, когда я выплусь, — бросаю в ответ. — Не переживай, я не собираюсь никому рассказывать о своей слабости или как-то еще позорить имя К'ярдов. Отдохну, и сможешь влить в меня столько сил, сколько влезет.

— После ночного инцидента я уже не уверен, что тебя действительно заботит репутация семьи, Лайтнер.

Начинается! И спорить нет сил, и даже не уйдешь просто так. Но нам действительно есть о чем поговорить. Например, о том, что творит Ромина.

— Еще как заботит. И не только семьи. Меня волнует, что некоторые считают, что законы Ландорхорна писаны не для них. Вьерхи заплатили собственными жизнями, подавив восстание людей, мы создали «Калейдоскоп», договорились о компромиссе, чтобы жить в мире. Но из-за таких, как Ромина, все может снова пойти ко дну. По ее приказу одну студентку накачали психотропными, а вторую сбросили в океан. Обычных девчонок.

— Уверен, что в этом замешана дочь судьи Д'ерри? — спрашивает отец.

— Она и ее дружки даже не особо пряталась.

— И как ты оказался в подобной компании?

Дигтхард К'ярд спокоен, но сверлит меня взглядом, будто пытается докопаться до моих мыслей. В висках покалывает от пережитого напряжения, но когда отвечаю, голос звучит ровно:

— Стечение обстоятельств. Я отдыхал в клубе, где работает Мэйс. Заглянул туда вместе с Харом и своей девушкой.

Отец все сможет проверить, а в том, что он все проверит, я даже не сомневаюсь. Иначе бы не появился в участке, иначе бы сейчас не тратил на меня и разговоры свое драгоценное время. Не пытался узнать о моем отношении к Вирне Мэйс. Но едха с два я ему буду рассказывать о том, в чем еще сам толком не разобрался.

— Девушкой? — Впервые за наш разговор в голосе отца слышится удивление.

— Кьяной М'ель. Насколько мне известно, ты знаком с ее отцом.

Дигтхард К'ярд задумчиво потирает пальцами подбородок.

— Я рад слышать, что тебя наконец-то заинтересовала политика и такие важные вещи, Лайтнер. Но мы с тобой уже говорили, что ты слишком усердствуешь в своих геройствах.

— Знаю. Сегодня я переоценил свои возможности, но и получил за это сполна.

— Надеюсь, тебя это чему-то научит.

— Как видишь, уже научило, — киваю я. — И хочу, чтобы научило других. Я хочу чтобы об этой истории узнали все.

Вот теперь ярость прорывается через мой голос, но я и не хочу ее сдерживать. Потому что сегодня по вине этой стервы пережил несколько самых жутких минут своей жизни.

— Чтобы Ромина Д'ерри была наказана, чтобы другие вьерхи не считали, что они стоят выше законов Ландорхорна. И выше тебя.

Может, я немного перегибаю с пафосом, но когда тебя штормит на суше, выбирать не приходится. Говорить с отцом на его языке, где каждое слово можно вывернуть наизнанку — задача не из легких, но сейчас мне нужно, чтобы он меня услышал.

Лицо Дигтхарда К'ярда каменеет.

— У тебя есть доказательства, Лайтнер? Кроме слов той девочки?

— Моего слова недостаточно? — я сжимаю кулаки.

— Ньестр Д'ерри — уважаемый вьерх.

— Про него и речи не идет. Но доказательств более чем достаточно, и я их тебе представлю. Мы должны защищать людей, отец.

— Мы должны защищать себя.

— Защищая людей, мы защищаем себя. Нам хватает угрозы от воды, чтобы опасаться еще и ножа в спину. И я сейчас говорю не только о людях.

Меня пронизывают очередным взглядом, и я уже готовлюсь спорить, тем неожиданнее звучит ответ:

— Я тебя услышал, Лайтнер.

Я киваю, усталость наваливается всей тяжестью, еще немного и свалюсь прямо здесь. Чего бы очень не хотелось. Потому что выдерживать отца еще несколько минут — это просто хидрец!

— Ах да, еще кое-что, — останавливает он меня в дверях, и на этот раз я готов выругаться уже вслух. — Что связывает тебя и Вирну Мэйс?

Что связывает меня и синеглазку?

Океан. Тайны. Едхово притяжение, которое, кажется, просочилось под кожу.

Что еще?

— Общий курс в Кэйпдоре, — бросаю я.

— И все?

— А должно быть что-то еще?

Ответа я не жду, выхожу за дверь.

Не уверен, что мне прямо сейчас хочется разбираться в том, что происходит между мной и Вирной.

Глава 3. Ныряльщица

Вирна Мэйс

— Мне очень жаль, Вирна. — Дядюшка Ро, пожилой вьетхергец, лысоватый и худенький, несмотря на рекламу сочной лапши, зазывающей в его заведение, развел руками. Его акцент смягчал раверханский язык, достаточно резкий и сильный. — Я взял помощницу неделю назад. Вот если бы ты раньше сказала...

Если бы я раньше знала, чем закончится мой эпичный выход в «Бабочке», я бы тоже много чего сделала. В частности, не повелась бы на провокацию К'ярда, но махать ластами после того, как на берег вынесло, смысла нет. Что самое паршивое, я не представляла, куда мне идти еще, потому что на Пятнадцатом толковых заведений больше не было. Значит, надо ехать на Четырнадцатый, Тринадцатый, Двенадцатый, и искать там. Просто заходить во все маломальски приличные кафе и спрашивать, не нужна ли им официантка, посудомойка, уборщица. Потому что выбирать сейчас особо не приходится.

— Понимаю, — сказала я. — Удачного вечера.

Хотела было уже уйти, но мужчина вскинул руку:

— Подожди.

Замерев, я смотрела на то, как пластиковая сумка наполняется паками лапши и фрикаделек, а еще хрустящим хворостом (сухим хлебом, который в производстве выходил самым дешевым).

— Нет, — я покачала головой, когда дядюшка Ро протянул мне сумку. — Я не могу.

Вьетхергец нахмурился, цепким взглядом оценив зашедшего в лавочку посетителя.

— Мьожешь, — сказал он. — Повьерь, я знаю, о чем говорю. Гордость — хьороший помощник, но не тогда, когда ньужно кьормить семью. Кьогда я приехал в Льяндорхьорн, мне многое пришлось испытать. Так что бьери. Не обижай старика.

Поколебавшись с минуту, все-таки взяла: в том, что касается гордости, дядюшка Ро был прав, сейчас не до нее. Мне нужно накормить сестер и как можно скорее устроиться на работу. Главное, чтобы не пришлось бросить академию, потому что не факт, что мне пойдут навстречу и согласятся поставить только в вечерний график.

— Спасибо, — сказала искренне.

— На здьоровье. — Вьетхергец мне подмигнул и повернулся к очередному посетителю. — Дьобро пожаловать! Что вы хотите?

Улыбнувшись ему еще раз, я вышла на улицу, подставляя лицо соленому колючему ветру. В конце концов, все не так уж и плохо: еда для сестер теперь есть, а сегодня я обегу все близлежащие районы, где-нибудь что-нибудь да найдется. Пусть даже самое ерундовое, что поможет кормить их первое время, а потом найду что-то еще. Что-то еще придется искать, потому что Лэйси зарабатывала гораздо больше, и деньги на дом, на оплату воды, электричества и даже земли, на которой он стоит, совершенно иные, нежели чем те, что позволят себя прокормить. До внесения квартальной платы время еще есть, так что все у меня получится.

На этот раз обязательно получится, опрометчивых решений и ошибок с меня хватит на всю следующую жизнь.

— Не взял? — спросила Митри, стоило мне переступить порог дома, но тут увидела еду, и глаза ее расширились: — Это что, в долг?

— Нет, это подарок. Но я заплачу, когда заработаю. — Прошла на кухню, и сестра направилась следом за мной.

Сегодня она вообще от меня не отходила ни на шаг: с той минуты, как я проснулась, только и делала, что забрасывала вопросами. Пришлось все ей рассказать, пусть даже изначально я не собиралась этого делать. Митри выслушала спокойно, а потом выругалась.

— И что, теперь все сойдет ей с рук?

— Не сойдет, — уверенно сказала я.

По крайней мере, я сделаю все от меня зависящее, чтобы не сошло.

— Дай свой тапет? — попросила я, пока она разогревала еду. — Мне нужно узнать, в какой больнице Алетта.

Не уверена, что получится навестить ее сегодня, но по крайней мере, узнать о состоянии бывшей подруги я хотела сейчас. Просто сказать, что я рада, что с ней все в порядке.

Митри ушла за тапетом, а я сняла лапшу с нагревателя.

Надо будет позвать Тай, пообедаем все вместе, и я поеду дальше. После выходных еще придется переоформлять документы, без которых по Ландорхорну ни шагу нельзя ступить. А потом снова общаться с деканом (студенческая карта тоже канула в глубину вместе со всем остальным). Сомневаюсь, что разговор будет приятным.

Сомневаюсь, что в этот раз я так легко отделаюсь.

Очень не вовремя снова пришли мысли о К'ярде и о том, что он мне помог. Одно дело помочь походя, просто потому что при виде тебя все вытягиваются в струнку, пусть даже это декан или заведующий медпунктом, и совсем другое — сигануть с высоты в бушующий океан.

Так, все. Сейчас не время об этом думать.

Достала старенькие вилки, тарелки (поморщившись при мысли, что снова придется возиться в холодной воде), разложила лапшу. Как раз в тот момент, когда вернулась Митри с тапетом, в дверь постучали.

— Ты кого-то ждешь? — Сестра взглянула на меня.

— Нет.

Решительным шагом направилась к двери, накинув тяжеловесную цепочку, приоткрыла.

И замерла: на крыльце стоял Вартас.

— Вартас! Привет! — Митри сдернула цепочку раньше, чем я успела слово сказать, и порывисто бросилась парню на шею. — Ты так вовремя! С Вирной такое случилось...

Под моим взглядом она осеклась и отступила, сунув руки в карманы. Что касается Вартаса, он, хоть и ответил на приветствие сестры, смотрел исключительно на меня. Я его приветствовать не собиралась и уж тем более не собиралась приглашать в дом, особенно после всего, что произошло. Мало того, что он за мной следил — следил с самого начала, так он явно знал что-то об исчезновении Лэйс, не уверена, что что-то полезное, зато точно гораздо больше чем я, но рассказывать об этом не собирался.

Сестра покосилась сначала на него, потом на меня.

— Вы что, поссорились?

Я приподняла брови:

— Давай, Вартас. Скажи, почему мы поссорились.

Раньше я считала, что умалчивая от сестер правду, я их оберегаю. Сейчас считаю, что когда говорю правду, я их защищаю. Потому что об опасности лучше знать заранее, точно так же, как врагов и лжецов — в лицо. И уж совершенно точно недопустимо, чтобы в семье были такие секреты, какие были у Лэйс. Я не представляю, что она от нас скрывала, но в одном уверена точно: если бы мне было известно, где ее искать, все было бы гораздо проще.

— Вирна, на пару слов. — Вартас отступает от двери, позволяя самой решить, идти за ним или нет.

— На пару, — четко обозначаю границы я, и киваю Митри. — Садитесь есть, пока не остыло. Я сейчас подойду.

Сестра смотрит на меня, словно собираясь что-то спросить, но потом закрывает дверь. Я слышу удаляющиеся шаги, которые стирает шум волн. От этого звука меня передергивает, я отворачиваюсь, чтобы не видеть накатывающей на берег свинцовой пены. При мысли о воде желудок сжимает спазм, перед глазами темнеет.

— Что случилось?! — в себя прихожу от голоса парня.

Он по-прежнему стоит рядом со мной на крыльце, ветер треплет длинные светлые волосы, то швыряя пряди ему на лицо, то отбрасывая назад.

— Пара слов, — напоминаю я.

— Куда ты вчера исчезла из «Бабочки»? Я ждал тебя после смены, чтобы поговорить.

Можно рассказать ему все то, что я рассказала Митри, но это не имеет ни малейшего смысла. Хотя бы потому, что я ему не доверяю.

К'ярду я тоже не доверяю, но ему рассказала.

Какого едха я постоянно о нем думаю?!

— Ты хотел поговорить. О чем?

— Вирна, это сложно.

— Не сложнее, чем искать Лэйс, не имея ни малейшего представления о том, во что она влипла.

Вартас вздыхает, плотно сжимает губы, потом смотрит вдаль. В ту сторону, откуда я пришла сегодня на рассвете, туда, где стоял эйрлат. Мне хочется зажмуриться, потому что все это совершенно не к месту, но я помню все, и помню слишком отчетливо. Прикосновение к плечу, взгляд глаза в глаза, мгновение тишины и наше дыхание.

— Пройдемся? — Вартас кивает в другую сторону, и я соглашаюсь.

Мне нужно повернуться к этому спиной и забыть, пусть даже забыть все до конца не получится. Потому что помимо этого еще был ледяной, пробирающий до костей ветер, грохот разбивающихся о камни волн. Дрожь тела, втекающая в сильные руки, мокрые пряди, налипшие на лицо, и черные, как ночь, глаза. Я не знаю, что это было, не представляю, я слишком мало знаю о в'ерхах. Впрочем, кто о них знает много, кроме них самих?

— Мы с Лэйс не так долго встречались...

— Избавь меня от вашей истории любви, — возможно, это звучит грубо, но мне сейчас не до вежливости. У меня впереди покатушки через несколько районов и беготня по улицам в поисках работы, а еще разбирательство с деканом и подвешенное состояние по поводу места в академии. Не говоря уже о том, что меня ждет после того, как я написала заявление на Ромину Д'ерри, дочь главного судьи Ландорхорна.

— Вирна, я тебе не враг.

— Но ты мне и не друг. Друзья говорят правду.

— Не всегда.

— Я возвращаюсь.

Резко разворачиваюсь, но Вартас перехватывает меня за локоть.

— Лэйс не говорила конкретики, но в «Бабочке» она познакомилась с людьми, которые сделали ее такой, какой она стала.

— Серьезно? Очень ценные сведения.

— Ты не понимаешь... — Он замолкает: мимо нас проходит пожилая женщина с испитым лицом, я ее знаю, она наша соседка через два дома. Она моет улицы на Шестом круге (чистит вывески и указатели, убирает мусор). Поравнявшись с нами, женщина угрюмо кивает, и идет дальше.

Стоит ей отойти, Вартас снова поворачивается ко мне:

— Подозреваю, что именно там они встречались, Вирна. В ВИП-ложах или где-то еще, что именно в «Бабочке» они передавали друг другу послания. В клубе, который не вызовет

подозрений именно потому, что он у всех на виду. Именно потому, что это элитная развлечения для тех, кто считает себя хозяевами жизни.

Последнее он словно выплевывает, у меня же в голове не укладывается то, что он сказал. Лэйс встречалась в «Бабочке» — с кем? Кому она передавала послания? Какие? Ото всего этого голова идет кругом, поэтому я уточняю:

— Кто с кем встречался?

Парень морщится, но потом все-таки произносит:

— Те, кем занимается Подводное ведомство.

Прежде чем я успеваю осознать сказанное, очередные слова Вартаса прилетают, как удар штормовой волны в грудь:

— Лэйс была ныряльщицей.

Глава 4. Проверка на прочность

Вирна Мэйс

— Вирна, ты рехнулась, — говорит Вартас, внимательно глядя на меня. — Ты хоть понимаешь, что ты можешь оттуда не выйти?

— Ну, в таком случае ты позаботишься о моих сестрах, не так ли? — я приподнимаю бровь.

— Тебе смешно?

Нет. Мне не смешно. Давно уже не смешно, и сейчас я это понимаю, как никогда раньше. Одно дело, когда Ромина швыряет тебя мордой вниз в бушующие волны и совсем другое, когда твоя сестра подвергает опасности всю семью, занимаясь глубоководными погружениями.

Ради чего? Зачем?

Это мне сейчас предстоит выяснить. Поэтому я стою на улице напротив сверкающих неонами огней, а рядом стоит Вартас, так и не утративший надежды меня отговорить.

Зря.

Время игр закончилось, и я прекрасно понимаю, чем я сейчас рискую. Но еще я понимаю, что не смогу спокойно спать, пока не пойму, что случилось. Шагаю в сторону перехода, и Вартас перехватывает меня за руку.

— Остановись. Я рассказал тебе это не для того, чтобы ты себя угробила.

— А для чего? — интересуюсь, вскидывая бровь. — Чтобы я спокойно жила с этим дальше? Как ты?

По лицу его проходит судорога, парень судорожно стискивает зубы.

— Я не живу с этим. Я...

— Вот и я жить не буду. Можешь не переживать, о тебе я не скажу ни слова даже если меня будут пытаться.

— Очень смешно, — огрызается он.

Яжимаю плечами и отнимаю руку. Когда он мне рассказал, я не могла поверить. Наверное, до сих пор отчасти не могу, возможно, именно поэтому меня знобит. Знобит так сильно, что я ежусь и обхватываю себя руками, останавливаясь у перехода. Мне кажется странным думать о том, что моя сестра занималась смертельно опасным делом. Не только потому, что это запрещено законом и карается высшей мерой, но еще потому, что когда представляю сомкнувшуюся над головой воду, горло хватается спазм.

— Я иду с тобой, — меня догоняет Вартас, и мы вместе переходим улицу.

Наверное, я должна сказать: нет, но мне не хочется. Совершенно точно не хочется говорить ему, чтобы он ушел. Он и так прекрасно знает, что ему необязательно это делать, и если считает, что таким образом может меня остановить, он ошибается. Впрочем, перед дверями служебного входа я все-таки останавливаюсь и киваю на другую сторону улицы.

— Не дури.

— Это ты мне говоришь?

Складываю руки на груди.

— Митри и Тай.

— Вирна.

— Ты обещал Лэйс.

— Я обещал заботиться обо всех вас.

— Но разорваться ты не можешь, не так ли?

— Тебе необязательно это делать.

— Ты сказал это уже больше сотни раз.

— Ты считала?

— Да.

Это не шутка, я действительно считала. Считала, когда меня трясло, пока он говорил. Лэйси рассказала ему о том, чем занималась, за несколько дней до исчезновения: предложила стать одним из них, дала время подумать, и... больше они с Вартасом не встречались. Она не сказала ничего конкретного, обещала ввести его в курс дела уже после того, как он даст ответ.

Видит море, за несколько недель мой мир рухнул и собрался заново столько раз, что сейчас он представляет собой конгломерат из старых установок, привычек и мыслей с шипованными наростами нового.

Не хотела бы я, чтобы сейчас его кто-то увидел.

— Если ты не выйдешь оттуда, девчонок, скорее всего, заберут. Их некому будет воспитывать, мне их не отдадут, потому что я им никто.

— Значит, у меня нет выбора. Я выйду, — просто отвечаю я, разворачиваюсь и шагаю в ставший уже знакомым служебный холл.

Честно говоря, я столько раз проходила сквозь эти двери с самым разным настроением, что сейчас все происходящее кажется мне сном. Когда я собиралась искать ответы в «Бабочке», я даже не предполагала, как глубоко мне придется нырнуть. Когда я думала о тайнах, которые, возможно, скрываются за стенами клуба, они казались далекими и нереальными. Я представляла (хоть и старалась не пускать эту мысль на поверхность сознания), что Лэйс, возможно, понравилась кому-то из клиентов. Что она делилась с коллегами какими-то тайнами, которые я со временем узнаю. Да море знает, что еще, но такой тайны я представить не могла.

— Привет, Вирна, — произносит охранник, но тут же мрачнеет.

Он знает, что меня уволили. Разумеется, потому что первым делом об этом уведомляют службу безопасности, и мой пропуск аннулируется. Вчера я так спешила уйти, что забыла его отдать, но даже если бы он не утонул в океане с остальными документами, все равно не получилось бы им воспользоваться.

— Привет, Бардж, — говорю я.

Да, это один из тех парней, которые не пускали меня сюда в мой самый первый визит.

— Сообщи Дженне, что я хочу с ней поговорить.

Он вздыхает.

— Я бы с радостью, но...

— Но?

— У меня приказ доложить Н'эргесу, если ты появишься.

Вот даже как.

— Докладывай, — говорю я.

Должно быть, у меня напрочь вырубается инстинкт самосохранения, потому что Вартас прав: Дженна может не иметь ни малейшего представления о том, что творится у нее в клубе, а Лэйси могла связываться с другими ныряльщиками в VIP-ложах, под предлогами обслуживания клиентов. Как я могла убедиться, звук внутри не записывается, поэтому они могли говорить о чем угодно, но мне это представляется глупостью. Во-первых, зачем рисковать и идти в клуб, когда можно общаться с помощью защищенного соединения по тапету? А во-вторых... во-вторых, теперь разговор с Дженной в вечер, когда она приняла меня на работу, представляется совершенно иначе.

Мне кажется, она что-то знает.

Я уверена, что она что-то знает, иначе не изучала бы так пристально. Едх меня побери, да она разве что насквозь меня не просвечивала. Вспоминая нашу встречу и ее взгляды, снова и снова прокручивая в голове все, что случилось, я отчетливо вытаскиваю из памяти все новые и новые детали головоломки.

«У Лэйсандры очень непростой характер, но у нее выдающиеся внешние данные, ее умению держаться могу позавидовать даже я. Теперь, когда она исчезла, мы оказались в затруднительном положении. Дело в том, что многие приходили сюда только ради нее. И в том, что в конце следующей недели «Бабочка» отмечает свой пятидесятилетний юбилей».

Неужели?

Неужели нельзя было поставить на главную роль кого угодно из девчонок? Я видела их, они все как на подбор, других в «Бабочке» просто не держат. Но если отбросить всех, была Тимри, ослепительно яркая и проработавшая здесь около трех лет, если не ошибаюсь. Не такой уж маленький стаж, а до ее умения держаться мне как до дна в Ктарианской впадине.

«Твоя сестра слишком запоминающаяся. Твой цвет волос может вызвать ненужные ассоциации. Не бойся, Вирна, с тобой будет работать наш ведущий стилист, ничего дурного она не посоветует».

От кого они хотели меня спрятать?

В тот вечер я слишком тряслась, стараясь получить место, настолько, что ничего вокруг себя не замечала. Теперь я думаю, что это приглашение на работу означало одно: она знает многое, но не все. В частности, не знает о том, куда делась Лэйс, и хочет понять, что известно мне.

Если это так, то мы с ней взаимно заинтересованы друг в друге.

Если это так, меня восстановят в «Бабочке», и я продолжу сюда ходить. Столько, сколько потребуется.

Остается, правда, еще Н'эргес, но с ним я справлюсь. По крайней мере, с тем, о чем он хочет меня спросить.

— Вирна, держи. Временный пропуск.

Из мыслей меня выталкивает голос Баджа. Пальцы не гнутся, но я все равно беру пластик со вмонтированным в него чипом, прикладываю его к турникету и шагаю в неизвестность.

Неизвестность долго не длится, кабинет начальника службы безопасности встречает меня горьким сигаретным дымом. Н'эргес со мной церемониться не будет, это понятно сразу, поэтому я ставлю рюкзак (старый рюкзак Митри, который я временно позаимствовала) на пол, и сажусь, не дожидаясь приглашения. В мужском кабинете все по-другому, здесь подняты жалюзи и открыты оба окна, из-за чего более чем свежо. Впрочем, если бы не было свежо, было бы нечем дышать, судя по пепельнице, вверх работает между курением.

— Зачем вы пришли, нисса Мэйс? — Он смотрит на меня так, словно пытается просветить взглядом.

— Это же очевидно. — Подавив желание скрыться за скрещенными руками, я чуть выпрямляюсь. — Мне нужна работа.

— Вчера вы с ней не справились.

— Поэтому мне за нее и не заплатили.

Квадратная челюсть мужчины чуть сдвигается вправо, потом возвращается на место.

— Где ваша сестра?

— Не знаю. — У меня холодеют ладони.

— Не знаете.

— Нет.

— Напомните, зачем вы здесь?

— Чтобы вернуть работу. Но вы это уже спрашивали.

Мне стоит немалых усилий не пытаться обхватить колени руками. Не съежиться, не попытаться вжаться в спинку, хотя очень хочется.

Напоминаю себе про Ромину, и, как ни странно, срабатывает это на ура. Мне мгновенно перестает быть страшно.

— Почему вы набросились на Лайтнера К'ярда?

А вот к этому вопросу я оказываюсь не готова. Не столько потому, что не знаю, что на него ответить, сколько потому, что не знаю, какой ответ будет правильным. Правильным для того, чтобы остаться в «Бабочке» или правильным для меня?

— Его поведение показалось мне вызывающим.

Огненный взгляд вплавляется в мое лицо в надежде под стекающей маской добраться до правды. Тщетно. Еще вчера Ригман Н'эргес мог меня раздавить, вытряхнуть из меня все, используя свои методы, но не сегодня. Сегодня я точно знаю, за что сражаюсь — за свою семью. Не только за Лэйси, за Митри и Тай, за их будущее. За наше общее будущее. Потому что от того, что случилось с Лэйс, зависит не только ее жизнь, а очень и очень многое.

— Вызывающим. Вы бросаетесь на всех, чье поведение кажется, — вверху выделяет последнее слово, — вам вызывающим.

— Разумеется, нет.

— Разумеется. И вы, разумеется, знали, что ньестр К'ярд — сын правителя Ландорхорна. Я пожимаю плечами.

— Мы учимся с ним в Академии и у нас есть совмещенный курс. Не говорите мне, что вы это не выяснили, ньестр Н'эргес. Вы наверняка изучили мою жизнь вдоль и поперек, потому что я вам не нравлюсь. Вы хотите от меня избавиться, но не можете. Почему — не мое дело. Я пришла вернуть себе место, и вы можете еще десять раз спросить меня о том, зачем я здесь. Ответ будет тем же.

— Почему вы набросились на Лайтнера К'ярда, нисса Мэйс?

Почему от упоминания его имени меня снова начинает потряхивать, хотя вчерашний вечер остался, как мне кажется, в прошлой жизни?

Потому что в новой он был первым, кого ты увидела, Вирна. Тем, кто вернул твое дыхание, и возможно, Н'эргесу об этом уже известно. Не представляю, какие у него связи.

— Он меня унизил, — говорю чистую правду. — Хотел надо мной посмеяться и привел друзей, с которыми я знакома по Академии. Своего друга и свою... девушку.

Короткая запинка, разумеется, от внимания вверху не укрывается.

— Вам это неприятно, — говорит он.

— Нет.

— Я не сказал, что именно вам неприятно, нисса Мэйс. — Уголки его губ слегка подрагивают, но сомневаюсь, что он хочет улыбнуться. Скорее, торжествует, потому что сумел меня зацепить.

Мысленно прикусываю язык и обещаю себе быть осторожнее.

— Это сказала я, — криво улыбаюсь. — Чуть раньше, когда говорила про посмеяться и про друзей. Помните?

— Почему он так поступил?

Не знаю, каким образом, но каждым следующим вопросом ему удастся вытряхивать меня из внутренней защиты. Когда мне кажется, что все уже хорошо, Н'эргес бьет снова и попадает точно в цель.

— Думаю, это вам лучше спросить у него.

— Я спрашиваю у вас, нисса Мэйс. — Он дотягивается до портсигара, но не закуривает, просто двигает его по столу: туда — сюда.

— Ему стало скучно.

Кажется, этот ответ Н'эргесу нравится, и мне он тоже должен нравиться, но нет. Я чувствую странное саднящее чувство, от которого хочется немедленно избавиться, но оно только усиливается, когда я вспоминаю про М'эль. Кьяна, всплывает имя. Откуда, я сейчас уже не помню, но оно мне и не нужно.

— В «Бабочку» приходят преимущественно те, кому скучно. — Откинувшись на спинку, Н'эргес все-таки достает сигарету и щелкает зажигалкой. — И каждый из них будет проверять вас на прочность, нисса Мэйс.

— Как это сейчас делаете вы?

Густые брови вверху остаются неподвижны, равно как и его лицо. Монументальное, словно выточенное из камня.

— Как это сейчас делаю я. Какова вероятность, что вы с этим справитесь?

С вами или с ними, хочется спросить мне.

— На вас я не бросилась.

Еще одна глубокая затяжка.

— Вы спите с К'ярдом?

Во мне кончается воздух. Так резко, что сигаретный дым, когда я все-таки вдыхаю, обжигает горло.

«Проверка, Вирна, это всего лишь проверка», — напоминаю себе.

— Это уже совершенно точно вас не касается, — отвечаю холодно. — А впрочем, вы всегда можете задействовать свои связи и об этом узнать.

Н'эргес молчит, и я тоже. Я изучаю его лицо: массивное, жесткое, гладко выбритое. Ежик серебристо-стальных волос..

— Значит, вы хотите вернуть свое место, — говорит он.

— Совершенно верно.

И если мы закончили, я хочу поговорить с Дженной.

Этого я, впрочем, не говорю, потому что любая такая фраза будет напоминать бегство, да что там, она бегством и будет.

— Ниссы Карринг сегодня нет, но я передам ей, что вы приходили, — наконец, говорит он.

Нет? Дженны нет?!

— Не беспокойтесь, нисса Мэйс. — Он едва различимо хмыкает. — Если бы я хотел от вас избавиться, я бы просто развернул вас еще до турникета.

Это правда.

— Почему же не развернули? — в упор спрашиваю я, и лицо Н'эргеса едва уловимо меняется. На миг даже кажется, что привычная каменная маска пойдет трещинами, обнажая истинную суть, но нет.

— Вы правы, — говорит он. — Вы мне не нравитесь. А здесь за вами проще присматривать.

От него я выхожу со странным чувством не то маленькой победы, не то невесомости. Почему-то здесь, в коридорах под искусственным освещением, где воздух десять раз обработан системой кондиционирования, дышится в разы проще, чем в его кабинете, где настежь распахнуты окна.

— Вирна! — Вартас бросается ко мне, стоит шагнуть на улицу.

Оглушительно чихнув, застегиваю куртку.

— Как все прошло?

— Научи меня драться, — говорю я, направляясь к станции гусеницы.

— Что?!

— Научи меня драться, — повторяю. — Так, как это делаешь ты. Я хочу уметь себя защитить.

Глава 5. Легенды и реальная жизнь

Вирна Мэйс

Я привыкла к тому, что в жизни все приходится делать самой. Что если тебе что-то нужно, приходится впахивать до потери сознания, чтобы себе это позволить, но в большинстве случаев ты себе этого позволить просто не можешь. Потому что надо кормить семью. Поэтому сейчас меня немного смущает тот факт, что у меня в старом рюкзаке Митри тапет Вартаса. В общем-то, он сказал, что его тапет тоже старый, и это видно — по загрузке системы и по тому, что перо скорее царапает, чем пишет. Тем не менее я искренне благодарна парню сестры, потому что иначе мне бы не с чем было идти на учебу.

Мы договорились, что тапет я беру в аренду до тех пор, пока не смогу позволить себе новый. Если меня вернут в «Бабочку», это случится быстро. Если нет... О том, что будет за этим «если нет», я стараюсь не думать. После случившегося с Роминой во мне нет страха перед политари, но идти к политари со знанием о том, чем занималась Лэйс, значит, подписать нам всем приговор. Вартасу тоже, кстати, потому что он вроде как в теме, а значит, «занимается укрывательством».

Я обещала ему, что скажу, если меня позовут в «Бабочку», и это тоже немного смущает. Потому что раньше никто не беспокоился обо мне, кроме моей семьи. Пусть даже он делает это из-за Лэйс. Мы с Вартасом не говорили об их чувствах, о том, были ли они вообще, но сейчас я невольно задумываюсь об этом. Когда все, что ты умеешь — день за днем выживать, не до высоких материй. Но все-таки мама и папа любили друг друга, или, по крайней мере, мне очень хочется в это верить. Пусть я это плохо помню, мы действительно были счастливой семьей.

Совершенно ненужные мысли.

Но они приходят, и возможно, именно потому, что все складывается чересчур хорошо. Когда я приехала с временными документами в Кэйпдор, декан встретила меня с кислой физиономией, но об отчислении даже не заикнулась. Больше того, для меня была готова новая карта, по которой я могу снова пользоваться льготами лотереи «Калейдоскоп». Благодаря кому или благодаря чему столь быстро решился вопрос с восстановлением, я тоже стараюсь не думать. Мне нужно держаться от К'ярда как можно дальше, и мне совершенно точно не нужна его помощь.

О чем я собираюсь ему сказать при первой же встрече.

Впрочем, первая встреча состоится не скоро — подводная зоология у нас только в конце недели, такой большой перерыв из-за того, что преподаватель заболел. Первой же парой (точнее, первой парой для меня, потому что все утро я плясала с документами, заполняя кучу бумажек) становятся легенды и мифы Старого времени.

Риардан Н'етх приветствует нас, после чего отступает в сторону, раскрывая голограмму во всю стену.

— Доброго дня, студенты. На вводном занятии мы говорили о том, что наши легенды когда-то считались альтернативной историей древности. Поговорим теперь о том, что же несет в себе основа нашего мира под призмой легенд. Может быть, кто-то знает?

Я знаю, но сегодня мне не хочется говорить. Окидываю взглядом собравшихся и думаю об Алетте. Не без помощи Вартаса удалось выяснить, что она в больнице на Девятом, и сегодня после занятий я собираюсь ее навестить.

— Ньестра М'эль?

Кьяна выглядит как обычно: собранная и сосредоточенная. Густые темные волосы стянуты в хвост, чувственный профиль притягивает взгляды парней.

— Основа мира легенд такая же, как в истории: до первой мировой катастрофы заселенных материков было шесть. Были еще обитаемые острова, единого государства не существовало, а страны были, как сейчас города, каждая с местным правителем. Чтобы перемещаться между ними, необходимо было оформить множество документов, а все три расы были равны.

— И вот тут мы подошли к одному из важнейших моментов столкновения историков и поклонников альтернативного мира. Насколько нам всем известно, до мировой катастрофы нашей расы не существовало... Слушаю, ньестр?..

— Р'амриш.

Да, друг К'ярда тоже здесь, и это удивительно. На первом занятии его не было, сейчас же он сидит во втором ряду, по диагонали от меня. У нас на занятиях по-прежнему действует «метод сплоченности», и этот метод сплоченности усадил меня рядом с двумя старшекурсниками, одним парнем с пятого, другим, кажется, с третьего. Оба калейдоскопники, как и я.

— В истории говорится, что нет сведений о существовании вьерхов, — замечает Хар. — А не о том, что нас не было.

— Хорошее уточнение, — замечает преподаватель. — А главное, отчасти созвучное с легендами. Потому что после низвержения и гибели божественного Роргха (которым он обязан вероломству своего брата) в нашем мире возникло три расы. Вьерхи — управляющей сушей, лиархи — управляющие водой. И люди, как те, кто призван объединить два мира.

— Люди вообще могут что-то объединить? — хохотнул вьерх с ежиком выкрашенных в ярко-сиреневый цвет волос.

— Не поверите, но да, — преподаватель повернулся к нему. — Вьерхи — столпы силы, те, кто держит землю. Лиархи — повелители глубин, берегущие воду, в которой началась жизнь...

«Вода — это жизнь, Вирна».

Именно сейчас вспоминаю мамины слова. Хотя маме, они, конечно же не принадлежат, они принадлежат моему воспаленному сознанию.

— А люди стоят на грани двух миров.

— Согласно легенде, — не унимался парень.

— Согласно легенде, — подтвердил Н'етх. — Но если вы не заметили, ньестр Э'тхан, здесь собрались те, кто легендами увлечен.

По рядам прокатилась волна смеха, даже у меня дрогнули уголки губ.

— Кстати, советую как можно скорее определиться, что вы выбираете — экзамен или курсовую. Я уже говорил, что от написания последней потребую полного погружения, поэтому начать стоит уже в ближайшее время.

Я почувствовала на себе взгляд Хара и сделала вид, что увлечена голограммой, где между землей и водой проходила четкая граница. Впрочем, долго на мне этот взгляд не продержался, когда я повернулась к парню, он уже смотрел на Кьяну. Вьерха, судя по всему, задумалась, потому что уткнула кончик пера в губы.

— Вспомним о богах, решивших сотворить мир...

Я слушала и писала конспекты, стараясь не смотреть в сторону Кьяны и не думать о том, что связывает их с К'ярдом. Потому что это совершенно точно меня не касалось, ни коим образом. Только почему-то взгляд все равно притягивался к девушке, профиль которой сейчас казался мне слишком идеальным. Слишком женственным. Слишком не похожим на мой.

Я всегда считала себя резкой и угловатой, но сейчас почему-то ощущала это в полной мере. Еще и с этими идиотскими голубыми волосами... состригать их было жалко, а возвращать свой цвет мне пока не по карману.

— ... начнем с божественного, потом спустимся на землю. — Последние слова Н'етха снова отозвались в аудитории смехом. — Как вы уже поняли, тема домашнего задания: перво-

причины вражды Роргха и Эльда. Не те, что лежат на поверхности и обозначены в учебных пособиях, а те, которые видите вы. До встречи на следующем занятии.

Звонок подбросил большинство студентов из-за столов, но между парнями, сидевшими с краю рядом со мной, разгорелась дискуссия. Из-за чего мне пришлось пару раз кашлянуть, чтобы меня пропустили. Перекинув лямку рюкзака через плечо, я вышла из аудитории и наткнулась взглядом на К'ярда и Кьяну.

Оказывается, сосредоточиться на богах и прочем довольно сложно, если постоянно о ком-то думать. Я смотрела на экран тапета, листая книги по легендам, переключаясь от одной на другую, а перед глазами стояла эта парочка. То, как он взял ее под руку, и то, как она на него смотрела. Нет, это нельзя было назвать восторгом или обожанием, она смотрела на него как на равного. Что, в общем-то, логично, потому что они и правда на равных, а я в это уравнение не вписываюсь.

На этой мысли мне захотелось побиться головой о стол, потому что у меня пропала сестра. Сестра, которая с какой-то радости увлеклась смертельно опасным занятием. Саму меня не так давно чуть не утопили в океане, ежедневная оплата на временной работе, которую мне удалось найти (на время болезни официантки) еще меньше, чем была у Доггинса, и если мне не позвонят из «Бабочки» в ближайшее время, мне будет нечего есть, а я думаю про К'ярда!

Вернувшись к нашим богам, я еще минут пятнадцать смотрела в учебники, перебирая информацию о противостоянии Роргха и Эльда, но потом поняла, что это бессмысленно. Н'етх сказал искать скрытые причины, а значит, надо просто выписывать факты и анализировать. Потому что то, что лежало на поверхности, читай борьба за власть, озвучит каждый.

Но это уже явно не сейчас, потому что глаза просто слипаются.

Помимо работы, я сегодня еще заскочила к Алетте, но подругу в больнице уже не застала: ее забрали домой. Говорить со мной врачи не стали, а на мое сообщение (я отправила его, когда вернулась домой) подруга не ответила.

Открыв чат, посмотрела на свое сообщение: «Ты как?» — и решила больше ничего не писать. Наверняка после случившегося ей предстоит долгий восстановительный период, и Алетта сейчас, скорее всего, много спит. Людей из больниц выписывают быстро: пациентов много, а оплачивать стационар государство нужным не считает. В общем, если ты ни при смерти, то встал и пошел, а как ты себя при этом чувствуешь, уже дело десятое.

Хотела уже выключить тапет, но взгляд упал на список контактов.

Сама не знаю зачем, открыла чат с К'ярдом.

«Что значит — занята?! Ты ничего не забыла, синеглазка?»

Последнее сообщение.

Если так подумать, со стороны все выглядело так, как будто я его кинула. И если на минуту представить, что это действительно было приглашение на вечеринку, а не очередной способ ткнуть меня носом в мое происхождение, то... в общем, да. Ситуация получилась некрасивая.

Хотя с какой радости ему меня просто так приглашать?

На следующий день он уже тусовался с Кьяной, а значит, все было подстроено.

Да, в отличие от Д'ерри он не убийца. В остальном в точности такой же в'ерх, как и все остальные. Они могут дать людям видимость благополучия, могут сделать любовниками или любовницами, могут сунуть под нос подачку «Калейдоскопа», но это — всего лишь видимость.

В'ерхи никогда не станут относиться к нам, как к равным.

Правда с этих позиций совершенно непонятно, с какой радости ему меня спасать.

Прыгать в бушующий океан.

Рисковать жизнью.

Разозлившись на себя, резко выключила тапет, сунула его в сумку и вытянулась на диване. Запрокинув голову так, что увидела покачивающуюся на волнах лунную дорожку. Отсюда море казалось умиротворенным и безмятежным, спокойным, как чистое летнее небо.

Сейчас мне представлялось, что до лета еще целая жизнь, если не больше.

А то, что осталось в прошлом, было вообще не со мной.

— Не спишь? — в комнату заглянула Митри.

— Вопрос в другом, — приподнявшись на локтях, заметила я. — Почему не спишь ты?

— Не спится, — сестра вошла в комнату и остановилась рядом со мной.

Вместо предложения сесть я подвинулась, прижавшись к спинке дивана. Ни вставать, ни садиться категорически не хотелось.

— Вообще я хотела с тобой поговорить. О том, что случилось...

— Все в порядке.

— Правда?

Митри опустила на край дивана и заглянула мне в глаза.

— Правда.

Ромину я сегодня не видела. К счастью. Не уверена была, что из этой встречи выйдет что-то хорошее.

Но знала, что дочь судьи Д'ерри продолжает учиться в Кэйпдоре, что сегодня она была на занятиях, и кажется, о том, что она сотворила, не знает никто. Правда, на завтра мне прислали вызов явиться в участок политари, в тот самый, где принимали мои показания. Из чего я сделала вывод, что дело сдвинулось с точки штиля.

Посмотрим.

— Ты же скажешь, если будет нужна помощь? — неожиданно спросила Митри, сжимая кулаки.

Только этого мне еще не хватало.

— Единственная помощь, которую вы с Тай можете оказать — это держаться как можно дальше от всей этой дряни.

— Это не дрянь! Ты могла погибнуть, — процедила сестра. — А я выдеру ей все волосы, если она...

Вот теперь я села на постели.

— Ты не приблизишься к ней даже на сотню валлов, — резко сказала я. — Это понятно?!

Митри вскочила.

— Понятно, — процедила она. — Понятно, что ты ничем не отличаешься от Лэйс. Ей тоже важно было только ее мнение.

— Мит! — я попыталась поймать руку сестры, но она уже вылетела за дверь.

Я выругалась и снова сползла на подлокотник дивана. Объяснять сестре, что приближаться к Ромине попросту опасно, у меня сейчас не было сил.

Тем более что гораздо больше меня сейчас волновало другое.

То, что Митри сказала о Лэйс в прошедшем времени.

И то, что в свете открывшихся обстоятельств ее смерть вполне может оказаться правдой.

Глава 6. Недружеские отношения

Лайтнер К'ярд

Я не очень хорошо знал расписание Кьяны, но запомнил, что в этот день у нее второй парой «Легенды и мифы». Поэтому и не стал тянуть. Не считая того вечера, я больше ей не звонил и не писал, хотел поговорить при встрече. А поговорить нам было нужно.

О том, что случилось. И о том, как я себя повел. Несмотря на ее слова, Кьяна была достойна объяснений и извинений.

Но на входе в аудиторию меня ждал сюрприз. Одним из первых из нее вышел Хар. С ним мы тоже с той ночи виделись впервые, потому что на мой утренний звонок он так и не ответил. А на выходных мне было совсем не до звонков.

— Привет, — кивнул я, но вместо этого Хар больно толкнул меня плечом и прошел мимо, сделав вид, что я пустое место.

Сначала шагнул следом, но тут же вспомнил о Кьяне и только выругался про себя. Потом, все потом.

Она как раз выходит из аудитории. После того, что я сделал, другая девчонка на ее месте дала бы мне по морде, ну или прошла бы мимо, как это сделал мой вроде как лучший друг. Но она останавливается.

Правда, не улыбается, как обычно, смотрит сосредоточенно и серьезно.

— Привет.

— Привет.

Я едва открываю рот, чтобы произнести заготовленные слова, но тут замечаю Мэйс, проносящуюся мимо. Раньше она выделялась из толпы красными волосами, сейчас же выглядит так, будто сама выпрыгнула из мифов. Из тех, что про водных жителей.

Вирна тоже посещает этот факультатив? Куда она снова от меня понеслась? Ни привет, ни пока. Что вообще в голове у этой девчонки?

Я морщусь и поворачиваюсь к Кьяне, чтобы натолкнуться на внимательный взгляд и сложенные на груди руки.

М-да.

— Я перед ней извинился, — говорю я, вспоминая о нашем последнем разговоре. — Теперь хочу извиниться перед тобой. Может прогуляемся в сторону кафетерия?

Она кивает, и я считаю это хорошим знаком: по морде я все-таки еще не получил.

— То, что случилось в ту ночь... Мне это было несвойственно. Я не считаю людей отбросами, тем более калейдоскопников. Они талантливые ребята, которые достойны учиться в Кэйпдоре гораздо больше некоторых вьерхов.

Например, Ромины и ее прихвостней.

— Сам факт, что они помимо учебы еще и работают делает их только лучше. Таких как Мэйс. Я сделаю все, чтобы вернуть ей работу, и позабочусь, чтобы ее не обижали в академии. Ни ее, ни других калейдоскопников.

— Эту будет правильно, Лайтнер.

И это все? Столько слов про калейдоскопников, а теперь ей все равно? Почему тогда у меня такое чувство, словно я свернул не туда?

Она разворачивается, чтобы уйти, но я удерживаю ее за руку. Мне не хочется расставаться вот так.

— Кьяна, подожди.

— Лайтнер, я не хочу быть третьей лишней. — Кьяна хмурится. — Не хочу стоять между тобой и Вирной Мэйс.

— Между нами ничего нет.

— Не сомневаюсь. Тем не менее я сейчас третья лишняя, и ты прекрасно это знаешь.

Хуже всего то, что я действительно прекрасно это знаю.

— Мы можем хотя бы остаться друзьями?

— А ты оставался друзьями с бывшими? И что из этого вышло?

Я вспоминаю Ромину и морщусь. С такими друзьями врагов не надо.

— Ничего хорошего, — признаюсь. — Значит, это все?

— Да, — пожимает плечами Кьяна и уходит.

Я же засовываю руки в карманы и бреду в другом направлении.

Едх!

За все свои поступки нужно платить, кажется, теперь я осознаю это в полной мере. Это будет мне уроком, как сказал отец, и сейчас я с ним согласен. Поэтому хочется немедленно исправить свои ошибки, хотя бы для того, чтобы с ним не соглашаться. Ну и потому, что мне есть что исправлять. Да, я не могу изменить прошлое, но настоящее в моих руках.

Я не кривил душой, когда говорил Кьяне про калейдоскопников и Вирну. Особенно про нее. Кьяна права: Мэйс мне не просто нравится, я ею восхищаюсь. Как восхищаюсь океаном. Но мы слишком разные, и дело вовсе не в том, что я вьверху, а она человек.

Чтобы отвлечься от мыслей о синеглазке, иду на стадион: до следующей пары прилично времени, а я знаю где найти Хара. И не ошибаюсь. Он сидит на трибуне, на самом верхнем ряду и что-то читает на своем тапете. Обычно мы зависаем здесь вместе, но сегодня особый случай.

— Привет, брат, — здороваюсь снова.

Мы знакомы с детства, и действительно близки друг с другом, как братья.

— Я здесь своих братьев не вижу, — отвечает Хар. — Мой брат никогда бы не стал травить людей.

— Это была ошибка.

— Ошибкой было, что ты позвал меня с собой, ничего не рассказав.

— Так ты поэтому злишься? — замечаю едко. — Что я тебя не предупредил?

— Я злюсь? Нет. Разочарован. Потому что место моего друга заняла роминина подружка. Хидрец! Я теперь еще и перед ним должен оправдываться?

— Ты тоже не храмовый служитель!

Он резко поднимается с явным намерением уйти.

На этот раз я перехватываю его за плечо, отцовская сила струится по телу, концентрируется в пальцах, и только благодаря ей я удерживаюсь на ногах, когда друг отпихивает меня в сторону ударом в грудь.

— Какого едха? — рычу я и посылаю импульс в ладони.

Хару прилетает в ответ, земля под нашими ногами вздрагивает и идет волной. Бурлящая во мне сила чужеродная, и вместо того, чтобы подчиниться мне, она выходит на свободу. Друга отшвыривает на добрые десять валлов, и он с хрустом падает между покосившихся лавок.

У меня все внутри переворачивается, и вовсе не от замкнутой в моем теле силы.

Хидрец!

От моего гнева ничего не остается. Я в считанные мгновения оказываюсь рядом с ним и протягиваю ладонь, чтобы помочь подняться. Но Хар смотрит на мою руку, как на ядовитую водную змею. Он встает сам, пошатывается, но держится на ногах. Сплевывает кровь и цедит:

— Катись к едхам!

А потом, прихрамывая, уходит. Как Кьяна.

Меня же накрывает откатом: в теле будто открывается рана, из которой выплескивается ресурс силы, отданной отцом. Все горит, перед глазами то плывет, то темнеет, я сцепляю челюсти и концентрируюсь только на том, чтобы перекрыть этот поток, и чтобы не орать в голос.

Как больно! Просто невероятно.

Все заканчивается так же быстро, как и началось. Во мне еще осталась сила, а значит, все хорошо.

Я пинаю лавку, и она прогибается от мощного удара. Если бы мы были не на стадионе, то, как минимум, получили бы выговор от ректора. Потому что применять силу в Кэйпдоре можно только в определенных местах. Хотя меньше всего меня сейчас волнует вероятный вызов к декану.

Я был уверен, что Хар точно меня поймет. Мы всегда поддерживали друг друга, с самого детства. Вправляли мозги, если один считал, что другой неправ. Так какого едха это изменилось? С каких это пор Хар ставит меня на один уровень с Роминой?!

С тех пор, как я встретил Мэйс.

Нет. С тех пор, как решил, что имею право ей мстить. За то, что она не пришла на свидание. Что бы я сделал, если бы так поступила Кьяна или любая другая вьерха? Забил бы на это. До встречи с Вирной я вообще не думал, что мне может отказать какая-то девчонка. Поэтому сделал то, что сделал.

Правда, про ее сестру я не знал, но вряд ли это достойное оправдание.

Развернувшись, я направляюсь к центральному корпусу академии. У Родреса как раз там должна быть следующая пара, а мне нужно задать ему несколько вопросов. Ладони горят, как хочется спросить.

Если Хар мой лучший друг с самого детства, то с Родди мы знакомы с поступления в Кэйпдор. В отличие от Р'амриша с ним я готов делиться далеко не всем. Но как показали эти выходные, вообще не стоило ему доверять.

Теперь я знаю, что Родрес слабак во всех смыслах, именно он слил информацию о Мэйс Родине. О том, что синеглазка работает в «Бабочке». Конечно, часть вины на подружке Вирны, но именно Родди поставил на тапет Ромины следающую программу, которая показывала местонахождение Мэйс вплоть до валла.

И мне хочется спросить: какого едха он это сделал? Чем думал? То, что не головой, понятно.

Родреса я заметил в одном из коридоров, он действительно спешил в центральный корпус. Ему крупно повезло, что мы пересеклись здесь, потому что использование силы в переходах академии было строго запрещено: слишком узкое пространство, слишком велика вероятность пришибить кого-нибудь, кого не планируешь.

Я догнал парня и хлопнул его по плечу.

— Здравствуй, Родди.

Он едва до потолка не подпрыгнул, казалось, только тяжесть моей руки смогла удержать его на земле.

— Привет, Лайтнер.

К его чести, голос у Родреса не дрожал, но лихорадочный блеск в глазах выдавал желание сбежать от меня подальше.

— Надо поговорить.

— Я опаздываю на социологию.

— Это ненадолго, — пообещал я.

— Послушай, я же тебе помог найти девчонку, и с ней все в порядке.

Я прищурился.

— Откуда ты знаешь?

— Я...

Родрес тут же закрыл рот, плотно сжимая губы.

Вряд ли он так беспокоился за Мэйс, что бегал посмотреть, жива она или нет. А вот Ромина вполне могла ею интересоваться. Едх меня задери, если я неправ!

Рывок — и мои пальцы сдавливают шею Родди. Бывший приятель слабее и ниже ростом, поэтому трепыхается и пытается встать на носочки, чтобы дышать, потому что я держу его так, чтобы оставаться лицом к лицу.

— Да, ты мне помог, но именно ты виноват в том, что с ней случилось.

И не только с ней, но Родресу я про свои проблемы с силой точно не расскажу. Хару мог бы, вот только ему теперь плевать.

— Не понимаю, о чем ты, — сипит он.

— Да ладно? Если бы не ты, Ромина бы не нашла Мэйс.

— Отпусти его, Лайтнер, — раздается за спиной, как в плохом трагифарсе.

Я отталкиваю Родди от себя, и он едва не падает, кашляя и захлебываясь воздухом. А потом, наплевав на гордость, бежит к компании Ромины, прячась за спины ее подружек. Пусть даже среди них несколько парней.

Д'ерри кривит полные губы в насмешливой улыбке и стоит, эффектно скрестив руки на груди, которую подчеркивает вырез рубашки. Но теперь я вижу перед собой только убийцу, и меня передергивает. Передергивает от того, что я когда-то с ней встречался. От того, что на красивом лице Ромины нет ни капли раскаяния или хотя бы осознания, что она сделала что-то не так.

— Ну и как тебе с этим живется? — едко спрашиваю, подходя ближе. — Кошмары не мучают?

Навстречу мне выступает защита, Бронс Т'орри. Парень с меня ростом, но справится с ним даже первокурсник — слишком он неповоротлив. К тому же сила горит на ладонях, требуя выхода, приходится остановиться в паре шагов от компании, чтобы сдержать свой порыв раскидать их по сторонам.

Правда, Ромина отодвигает Бронса в сторону.

— А должны? — интересуется она.

— То есть ты каждую неделю кого-то убиваешь, и уже к этому привыкла?

Подружки возмущенно ахают, парни рычат, а вот Ромина вскидывает брови.

— Что за странные шутки, Лайтнер? — Она снова улыбается и поворачивается к своей свите. — Кажется, у кого-то были гораздо более интересные выходные, чем у меня.

— Вирна Мэйс. Помнишь такую?

Ромина хмурится, но по ее взгляду я вижу, что все это ее забавляет.

— Если честно, не припоминаю.

— Ничего, — хмыкаю я. — Родди помнит, как скинул тебе программу, по которой ты смогла ее отследить.

— Родрес, ты устанавливал мне на тапет какой-то неизвестный софт? — капризно спрашивает Д'ерри, и приятель мотает головой. — Вот видишь?

А я не могу этому поверить!

Этот едх отказывается от своих слов. Да я ему сейчас ноги повыдергиваю!

В этот раз путь мне преграждает сама Ромина: мы стоим практически касаясь друг друга, но она не отступает ни на шаг.

— Это уже не смешно, Лайт, — тянет она. — На твоём месте я бы больше не употребляла то, что ты попробовал на этих выходных.

— Я ничего не употреблял, — отвечаю я, и мой голос больше напоминает глухой рык. Может, и к лучшему, потому что слышит меня только она. — И ты это знаешь. Как я знаю, что ты сбросила Вирну Мэйс в океан.

Ее зрачки на миг расширяются, растягиваются в стороны острыми пиками, но Ромина так же быстро берет себя в руки.

— Это она тебе сказала? — хмыкает она и поправляет волосы. — Передай ей, что зависть — плохое чувство.

— Я видел это своими глазами.

— Хватит. Нести. Чушь, — чеканит слова Ромина. — Я к этой Мэйс ни на шаг не приближалась, и не стану.

А потом делает то, чего я точно не ожидал: приподнимается на цыпочки и почти касается губами моего виска.

— Я уничтожу эту девку, если попробуешь меня утопить, — говорит она еле слышно, скользя дыханием по моей щеке. — Ты не сможешь быть рядом с ней постоянно. Ой, прости... ты вообще не можешь быть с ней, я права?

И так же мягко отстраняется.

— Мы были друзьями, Лайт, — говорит уже для всех. — Не стоит все портить.

После чего разворачивается к своей компании, к которой уже присоединилось несколько парней, прежде таскающиеся за мной. Как выяснилось, таскались они за ней.

Ромина посылает мне воздушный поцелуй перед тем, как скрыться за поворотом.

Сила искрит на пальцах, и мне искренне хочется повторить с Д'ерри тот же фокус, что с Родресом даже несмотря на то, что она девчонка. Но толку от этого не будет, сейчас мне нужны доказательства ее преступления.

И я их достану.

Глава 7. Сторона обвинения

Вирна Мэйс

Я надеюсь, что все закончится быстро, потому что декан хоть и прочитала сообщение, но ответить не пожелала. Ни вчера, ни сегодня утром, хотя по идее она уже должна была прийти на работу. Что касается меня, я снова в «гусенице», стараюсь не думать о Лэйс, и размышляю о политари. О том, зачем меня вызывают, хотя в причинах указано: «Заявление о нападении». Возможно, хотят что-то уточнить, поэтому надолго задержать не должны. Мне сейчас очень не с руки пропускать занятия, и даже не из-за гнева декана, а просто потому, что навесывать особо некогда. Если в мой и так забитый делами до отказа график добавится еще и «Бабочка»... Хотя в последнем я уже начинаю сомневаться. Прошло несколько дней, но от Дженны никаких новостей, от Н'эргеса тоже. Неужели я все-таки ошиблась?

Этот участок гораздо чище того, в который я обращалась после исчезновения Лэйс. В прошлый раз мне было не до обстановки, но сейчас я замечаю, что ремонт здесь гораздо более новый, стеклянные двери блестят, равно как и полы, а отделение для задержанных (которых еще только предстоит оформить) не в общем зале, а отгорожено дверями, за которыми ничего не видно. Яркие лампы напоминают о больнице и Алетте: она мне так ничего и не ответила.

— Нисса Мэйс, — меня встречает молодой политари.

Один из тех, кто нас опрашивал, когда К'ярд привез меня в участок.

— Добрый день, — здороваюсь.

Он молча кивает и проводит меня в тот же самый кабинет, из которого я выходила в странном полутрансе. Там снова протоколистка и еще один политари, тоже знакомый. Отличают его огромные залысины на висках, зачесанные назад оставшиеся волосы и цепкий взгляд. Хотя до Н'эргеса ему далеко.

— Садитесь, нисса Мэйс, — мне кивают на кресло. — У нас возникли небольшие сложности по вашему делу.

— Небольшие?

Протоколистка уже колотит пальцами по экрану большого тапета, специально предназначенного исключительно для набора текста. Я на миг перевожу взгляд на нее, потому снова на сидящего за столом мужчину.

— Да. С наибольшей вероятностью, в ваши показания закралась ошибка. Ромина Д'ерри ни коим образом не могла на вас напасть, поскольку в это время находилась дома.

Мне кажется, что я ослышалась. Хотя нет, не кажется, и я не ослышалась, он только что сказал про алиби Ромины.

— Это невозможно, — говорю я. — Она и ее дружки...

— Послушайте, нисса Мэйс, — меня перебивают пока еще достаточно мягко. — Ее отец — весьма уважаемый в городе...

— В этом все дело?! — я вцепляюсь в подлокотники. — В том, что ее отец — главный судья Ландорхорна?! Но если не ошибаюсь, у вас не только мои показания, у вас показания ньестра К'ярда, и...

— Исключительно поэтому мы с вами сейчас говорим здесь, а не в присутствии адвоката. Боюсь, что вы были введены в заблуждение.

Что?!

— Вы были, если не ошибаюсь, под действием тяжелых психотропных препаратов, с помощью которых вас и вашу подругу пытались усыпить.

Я глубоко вдыхаю. Потом выдыхаю.

Успокойтесь, Вирна. Нужно успокоиться, потому что прошлая моя вспышка в «Бабочке» ничем хорошим не закончилась, а здесь еще и фиксируется каждое мое слово. «Все, что вы скажете, может быть использовано для того, чтобы затолкать вам это обратно в глотку». Так любила говорить Лэйс, когда речь заходила о политари, и теперь я вижу, что она права.

— Это так, но...

— Препарат, который использовали на вас, приводит к самым разным побочным эффектам. В том числе и к галлюцинациям. Вы вполне могли видеть другую девушку со светлыми волосами, но представлять, что это ньестра Д'ерри.

Поверить не могу. Я просто не могу в это поверить!

— Вы считаете, что я совсем идиотка? — спрашиваю я. — И что я не могу отличить Ромину Д'ерри от какой-то другой девушки?!

— Можете. Сейчас, — политари подается вперед и смотрит мне в глаза. Руки его сцеплены на столе. — Но не когда у вас в крови яд, который воздействует на мозг.

Я прикусываю язык, чтобы не сказать, что ему никакого яда не нужно, потому что ему и так отлично воздействует на мозг статус отца Ромины, но молчу. Молчу, молчу, молчу, стараясь не сжимать пальцы еще сильнее.

— Опросите Алетту Грейм, — говорю я. — Она подтвердит...

— Уже опросили. Нисса Грейм рассказала, что на вас напали парни, которым вы однажды отказали в весьма грубой форме, когда собирались на вечеринку. И что с ними была девушка, которую она видела впервые.

Я моргаю. Несколько раз, прежде чем до меня доходит смысл сказанных им слов. Мы действительно отшили парней, когда собирались на вечеринку, точнее, их отшила Алетта, но при чем тут они?

— Это бред, — выдыхаю я.

— Отнюдь. Мы проверили информацию: нападавшие на вас угнали эйрлат у одного из знакомых ньестры Д'ерри, о чем он заявил на следующее утро...

— До или после того, как я подала заявление?

— При чем тут это, нисса Мэйс?

— Ну как же, — я с трудом сдерживаю дрожь в руках. — Вы такой опытный детектив, а объясняю вам я. Не находите, что это слишком удачное совпадение?

Политари хмурится еще сильнее, у него дергается кадык.

— Поосторожнее с заявлениями, нисса Мэйс, — говорит он. — Не то я могу расценить это как намеренное оскорбление должностного лица.

Ну разумеется.

— Я не собиралась никого оскорблять, — говорю я. — И что же, те парни подтвердили, что угнали эйрлат?

— Они уже ничего не смогут подтвердить, нисса Мэйс. Они мертвы, как и их подружка. Меня снова бросает в дрожь.

Мертвы. Слова политари звучат в сознании снова и снова.

На что еще способна Ромина? Или... ее отец?

— Ньестр Д'ерри подтвердил, что в указанное вами время его дочь была дома.

Куда мне против ньестра Д'ерри.

— А показания ньестра К'ярда? Если не ошибаюсь, его друг, занимающийся информационными технологиями, подтвердил, что Ромина Д'ерри мной интересовалась. И не только интересовалась, но и просила его установить программу «Бёрт», с помощью которой можно отследить местонахождение.

— Ньестр Родрес Б'игт объяснил, что вынужден был это сказать. Как бы это поточнее выразиться... потому что ньестр К'ярд на него очень сильно давил. Мы провели тщательное расследование, и выяснили, что тапет ньестры Д'ерри находился в эйрлате ее знакомого.

— В том, который был угнан? — уточнила я.

— Да. В любом случае, виновники случившегося с вами мертвы, они погибли от передозировки. Состав преступления исчерпан, и я предлагаю вам, нисса Мэйс...

— Нет, — спокойно сказала я, хотя меня всю трясло.

— Нет?

— Нет. Не исчерпан. Я не снимаю обвинения с Ромины Д'ерри.

— Вы же понимаете, что если станете упорствовать, это может быть расценено как намеренное лжесвидетельство и клевета? И что обвиняющей стороной может стать семья Д'ерри?

— Ромина Д'ерри, — четко сказала я. — И ее дружки. Я могу поклясться всем, что мне дорого, что в ту ночь на меня напали именно они.

Политари ощутимо напрягся.

— Что ж, в таком случае мне остается только устроить вам очную ставку, нисса Мэйс. Это большее, что я могу для вас сделать, и то исключительно потому, что ваша ситуация действительно очень сложная. Вам пришлось пережить нападение под действием...

— Устраивайте, — сказала я. — А сейчас мне пора в Кэйпдор, потому что если я пропущу еще одну пару, мне придется покупать методичку, которые на лекциях выписываются бесплатно.

Да, в Кэйпдоре своя система соблюдения учебной дисциплины. На некоторых занятиях пропуск равносильен тому, что приходится покупать учебные материалы, вот только я сомневаюсь, что для таких как Ромина это что-то значит. Впрочем, человеческие жизни для них тоже ничего не значат, и судя по всему, для главного судьи тоже. Мы живем в потрясающем мире, защищающем нас со всех сторон. Как ни крути.

Я уже почти выхожу из участка, когда меня догоняет молодой политари.

— Нисса Мэйс!

Оборачиваюсь: это тот самый парень, что сопровождал меня в кабинет.

— Вы отлично держались, — говорит он.

В глазах его я читаю понимание.

— Спасибо, — я смотрю на его нашивки и имя на мундире, — риджант Фьер.

Парень улыбается и уходит. Я же смотрю ему вслед и думаю о том, сколько ему лет. На вид не больше двадцати, но он уже рискует жизнью на улицах Ландорхорна. Может, Лэйс была права в том, что я зря поступила в Кэйпдор, все это обучение — развлечение для богатеньких, и мне там нечего делать. Если я брошу академию, у меня будет гораздо больше времени на семью, да и на работу тоже.

Справиться с этой мыслью не так-то просто, поэтому когда я подхожу к Кэйпдору, останавливаюсь в валле от ворот.

Estors. Virhaain. Keaalphain.

«Ум. Знание. Сила».

Когда-то здесь учились только вьерхи, но потом в обитель силы и знаний допустили людей. «Калейдоскоп» стал откупом за спокойствие народных масс, но если вьерхи предпочли откупиться, значит, им было чего бояться. Значит, их власть не настолько прочна, насколько они хотят показать.

Удобнее перехватив лямки рюкзака, шагаю внутрь.

Нет, учебу мне оставлять нельзя. Потому что если уйду сейчас — стану одной из тех, кто сломался. Когда-то вьерхи были в нашем мире изгоями, но Лидх Картерн нашел в себе силы все изменить. Он вытащил свою расу со дна, заставил людей уважать ее, и долгие годы, до Проседания, мы были равны. Все зависело не от того, какого цвета у тебя глаза и умеешь ли ты удержать сушу, когда идет большая волна, все зависело от желания развиваться, от упорства каждого, будь то вьерх или человек.

Я иду по дорожке, стараясь не думать о том, что узнала от политари. Похоже, Алетту запугали дальше некуда. Чем они ее взяли? Сестрой? Семей? Мне не хочется об этом думать, потому что у меня тоже есть семья, а Ромина (теперь уже сомнений в этом нет) не остановится ни перед чем.

Переехать?

Сбежать из Ландорхорна?

И... бросить Лэйс?

Нет.

Она бы никогда так не поступила, окажись я на ее месте.

А как бы поступила она? Много я о ней знаю? Да я до сих пор не представляю, почему она пропала: может, сбежала из-за нависшей над ней угрозы, из-за того, что кому-то стало известно о том, чем она занимается.

За такие мысли хочется себе как следует врезать, но я действительно не знаю, что произошло. Не так давно мне казалось, что я могу представить, как бы Лэйс повела себя в той или иной ситуации, но одним словом «Ныряльщица» Вартас разрушил эту уверенность раз и навсегда.

Опустившись на холодную скамейку, вытягиваю ноги и закрываю глаза. Мне надо подняться, идти в Кэйпдор, но я медлю. При одной только мысли о том, что что-то может случиться с Митри и Тай, бросает сначала в жар, а после в холодный пот. Там, в участке, мне казалось, что я поступаю правильно, но что если я ошибаюсь?

Не знаю, сколько я так сижу, пока на щеки не падает несколько холодных капель, и я открываю глаза. Дождь мелкий, но от этого не менее холодный.

Что я могу противопоставить авторитету главного судьи?

Поднимаюсь и направляюсь в Кэйпдор, который встречает меня относительной тишиной. Когда идут занятия, не так шумно: те, кто свободен, предпочитают зависать в столовой, которая по размерам больше напоминает ресторан, либо отдыхать в парке, но на улице сейчас слишком промозгло. На Ландорхорн надвигается туман, который пронизывает сыростью до костей, если ты не успеешь от него спрятаться.

Зависаю у интерактивного стенда: мне нужно найти свою аудиторию, но вместо этого я ищу совершенно другое.

«Про сестер тебе надо было думать раньше», — в воспоминаниях отчетливо звучит голос Д'ерри.

Она сказала это перед тем, как сбросить меня в океан.

Не думаю, что Ромина или ее отец подошлют кого-то к Митри и Тай сразу, это слишком опасно. Особенно учитывая тот факт, что показания вместе со мной давал К'ярд, а Дигтхард К'ярд — фигура помощнее. Мне нужно что-то придумать, нужно защитить сестер, пусть даже ради этого мне придется сделать возможное и невозможное. Пожалуй, это скорее относится к числу невозможного, потому что мне нужно поддерживать иллюзию видимости хороших отношений с Лайтнером К'ярдом.

Кажется, мы пришли к тому, от чего ушли.

Жую губы и изучаю расписание второго курса факультета юриспруденции. На экране чуть повыше перечня занятий крутится планета, над которой распростерта рука закона. Забавно, что Ромина учится именно на этом факультете.

У К'ярда сейчас занятия в главном корпусе, занятия, которые скоро закончатся, и мне нужно успеть поговорить с ним, пока его не перехватил кто-то еще. В ту минуту, когда я уже почти готова шагнуть в нужный мне коридор, на тапет падает сообщение:

«Жду тебя сегодня вечером, за два часа до открытия. Дж».

Дж. Это Дженна?

Номер незнакомый, но за два часа до открытия — это может значить только одно.

Впрочем, сейчас это может значить все, что угодно, но прежде чем я успеваю испытать весь спектр эмоций — от холодеющих пальцев рук до невозможности нормально вдохнуть, за спиной раздаётся насмешливый голос:

— Соскучилась, синеглазка?

Ну супер. Отлично. Стоило ему появиться за моей спиной, как меня уже всю потряхивает. Как же бесит это его «синеглазка»!

— Привет, огнеглазик, — ответила я, поворачиваясь к нему. — С чего ты взял?

Глаза у него сейчас были обычные, как у всех вьерхов. Ну вот и отлично, значит, с ним все хорошо. Хотя какая мне разница, что там с ним хорошо, а что нет?

— Не знаю, — К'ярд обошел меня и коснулся стенда. — Возможно, потому что у тебя открыто мое расписание?

Едхова жесть.

— Кстати, я тоже собирался тебе напомнить, что у нас грядет общая практика на занятиях полезного ископаемого.

— Чего?

Это прозвучало так неожиданно, что я даже не сразу отвисла. Голограмма с расписанием тоже: она несколько раз мигнула, прежде чем снова уйти в спящий режим.

— Старье, — вздохнул К'ярд и снова повернулся ко мне. — Полезное ископаемое — это наш препод по подводной зоологии. Хотя... нет, он скорее антиквариат, но это к делу не относится. Практика сама себя не зачтет.

— А... да, — сказала я, вспомнив, что нас и правда поставили в пару.

Удивительно, что он свернул именно на эту тему и не стал издеваться по поводу расписания, но на этой мысли я решила не задерживаться.

— Что ты предлагаешь? — спросила, глядя на него и испытывая желание отодвинуться.

Близко. Он подошел слишком близко, и меня это нервировало.

— Предлагаю сегодня после твоих пар встретиться в библиотеке. Для начала. Наметим программу, а потом разберемся, сколько занятий нам потребуется в океанариуме, где брать дополнительные материалы, и все такое.

— Угу, — сказала я.

— Это понимать как да?

— Да.

— Ну вот и чудесно. Тогда до встречи, напарница.

Прежде чем я успела отпрыгнуть, он прошел мимо. По-прежнему недопустимо близко, из-за чего меня ударило ароматом туалетной воды, холодной, как морские глубины. Хорошо, что ударило, потому что именно он напомнил мне нашу первую встречу, сломанное перо и его взгляд сверху вниз. Впрочем, сейчас, минуту назад он смотрел на меня совершенно иначе, и что это вообще было?!

Я смотрела ему вслед, пока К'ярд не скрылся за поворотом, и только после этого глубоко вздохнула.

Кажется, я собиралась с ним поговорить.

Кажется, мне пришло сообщение от Дженны, которая хочет меня видеть сегодня вечером. И судя по тону ее приглашения, эта встреча будет не то чтобы особо официальной.

Я перекинула рюкзак на другое плечо и направилась в сторону раздевалок. За последнее время в моей жизни столько всего случилось, что я уже с трудом успевала за происходящим. Первоочередными оставались Лэйс, Митри и Тай, все остальное было вторично, но... К'ярд, кажется, не стеснялся отодвигать все в сторону. Иначе как объяснить, какого едха я сейчас думаю о том, что будет у нас на совместной практике? А заодно о том, чем вчера закончилась их встреча с Кьяной М'эль?

Да не думаю я об этом!

Я вскинула голову как раз в тот момент, когда из раздевалок вышли Ромина с подружками. Подружки заметили меня раньше нее, одна из них даже как-то слегка побледнела, вторую перекосило от злобы. Ромина же, когда повернулась, даже не изменилась в лице и не сбавила шага. Ее свита, почувствовав настроение главной, приободрилась. Их лица снова приобрели холерный девичий лоск, эмоции стерлись. Они шли рядом с ней, и я шла им навстречу, испытывая подсознательное желание свернуть в ближайшую кишку коридора.

Нельзя.

Сейчас нельзя.

На самом деле нельзя никогда, но сейчас — особенно.

Осталось пройти всего несколько шагов, и мы вполне могли бы разминуться, если бы Ромина не остановилась:

— Что ты чувствуешь, когда портишь всем жизнь, калейдоскопница?

Она смотрела на меня сверху вниз, уверенная в своей безнаказанности, как всегда идеальная: длинные волосы стекают по плечам и спине шелковистым каскадом, форма сидит как влитая, и даже пару расстегнутых верхних пуговиц ей наверняка простят. С зубами у нее все в порядке, видимо, у семьи Д'ерри отличные стоматологи.

— А что ты чувствуешь, когда ее отнимаешь?

Улыбка сбегает с ее лица, равно как с лиц остальных девчонок. Одна из них шагает ко мне, но Ромина скидывает руку, и вверху резко останавливается.

— Тебе кажется, должны были объяснить, что ты обозналась.

— Объяснили. Но я не поверила.

— Это твои проблемы, — отрывисто произносит она, наконец.

В ее глазах клубится злая сила, и сейчас, когда она на меня смотрит, я понимаю, что для нее это был просто неудачный вечер. Один из многих. Она не сожалеет о том, что произошло, она сожалеет только о том, что я жива.

А те парни, которым не повезло заинтересоваться мной и Алеттой, и совершенно безымянная девчонка — нет.

— И твои тоже, — говорю я, но дожидаться ответа не собираюсь. Меня колотит так, что пальцы сжимаются в кулаки.

Чтобы как-то их расслабить, я потягиваюсь на ходу.

В раздевалке я смотрю на шкафчик Алетты, и у меня больше не остается сомнений, как поступить.

Мы с Вартасом уже начали тренировки на выходных, следующая у нас — завтра. Пока отрабатываем простейшие приемы самозащиты, чуть позже перейдем к более сложным боевым техникам. В этом он — просто кладезь полезной информации. Его старший брат был чемпионом по вар-до, древней боевой технике, и кое-чему полезному младшего научил. А он научит меня.

Все, что мне сейчас нужно — это спрятать Митри и Тай. Спрятать на время, пока Ромина не окажется за решеткой, а ее папаша не будет смещен с должности. Сейчас это кажется мне далеким, чуть ли не более далеким, чем подвиги Лидха Картерна, но когда он начинал борьбу, вряд ли цель казалась ему близкой. Сестрам же действительно нужна защита. Настоящая защита, которая поможет мне не оглядываться на свои страхи и не вздрагивать каждую минуту, когда приходит сообщение на тапет.

Они — моя слабость.

А в битве с Роминой и ее отцом слабостей у меня быть не должно.

Глава 8. Совместная практика

Вирна Мэйс

К'ярд дожидался меня возле библиотеки. Стоял, прислонившись к стене и что-то набирал на тапете, заметив меня, легко оттолкнулся и шагнул ко мне. Раньше я не замечала, какая у него походка: опасная, как у хищника. Взгляд тоже — затягивающий и глубокий, как океан.

Ну и о чем я вообще думаю?

С океаном у нас точно не сложилось.

— Готова? — поинтересовался он, кивнув в сторону дверей.

— Смотря к чему.

— А на что ты рассчитываешь?

Так, все. Это лучше не начинать.

— Рассчитываю как можно скорее обсудить совместную работу, а потом ехать по делам, — сообщила я и, не дожидаясь ответа, прошла в библиотеку.

— Наш стол. — Он указал на свободный. — Я уже выгрузил список литературы, который нам предстоит изучить. Половину выносить из библиотеки нельзя, поэтому придется иногда зависать здесь.

Я пожала плечами и направилась к столу. Собственно, библиотека больше напоминала огромную аудиторию, заполненную рядами вмонтированных в мебель тапетов. Электронный доступ получали с помощью личной карточки, соответственно твоему курсу и специальности открывался перечень доступной литературы. Подозреваю, что у К'ярда доступ был пошире моего.

Пока мы шли по проходу, на нас все пялились. Камеры системы безопасности и все, кто «зависал» в библиотеке по тому или иному поводу. За неимением лишнего времени я сюда редко навещалась, заходила только в центральный зал, где мне выдали список и помогли закачать все необходимое себе на тапет, но сейчас поразилась. Заполнена она была если не на сто процентов, то очень близко к тому. Казалось, что если свободные места и остались, то где-то очень далеко.

— Удивлена? — спросил К'ярд.

Похоже, пока я пялилась на всех, а все пялились на нас, он пялился на меня.

— Немного.

— Считала, что все вверху ходят сюда исключительно протирать штаны и юбки?

— Не все, — сказала я. — Избранные.

И уселась на стул, не дожидаясь особого распоряжения.

— Показывай, что ты нашел, — кивнула на тапет.

Поскольку на нас продолжали пялиться (я буквально почувствовала покалывающие спину, лицо и руки иголки взглядов), вскинула голову:

— Народ, я действительно здесь. Действительно с Лайтнером К'ярдом, но больше ничего интересного вы не увидите. Возвращайтесь к своим занятиям, всем спасибо за внимание.

Вернулись, кстати. По крайней мере, глазеть перестали, зато возникла другая проблема. Эта проблема предавалась безудержному веселью, прикрыв ладонью лицо. Выражаясь иными словами, К'ярд даже не пытался сдерживать смех, из-за чего трясся чуть ли не вместе со стулом.

— Как закончишь, говори. Займемся делом.

К'ярд поперхнулся и прокашлялся.

— Как скажешь, синеглазка.

Его плечи снова затряслись.

Откинувшись на спинку стула, я сложила руки на груди.

— В столовой дают что-то такое, о чем я не знаю?

Он покачал головой.

— Прости. Давай займемся делом, или как ты там сказала.

Планшет снимался с базы исключительно по карте, и Лайтнер провел своей по сканеру. После чего положил его на стол между нами:

— Значит, так. Список литературы у нас начинается с общедоступной «Затерянной в океане» и заканчивается вот этими архивами, которые нужно искать даже не в Кэйпдоре...

«Затерянная в океане» представляла собой краткую историю возникновения и исчезновения популяции океанских бабочек, а не фантастический роман о том, как из вод вышла дева морская и полюбила сухопутного правителя.

— Что ты вообще знаешь о раг'аэне?

Задумавшись, выпала в реальность от голоса К'ярда.

— Знаю, что она существовала очень давно, и что обитала исключительно на глубине. Однажды раг'аэны доверились обитателям суши и подошли к побережью, а те, воспользовавшись их доверчивостью, принялись их безжалостно уничтожать. Из их плавников делали наколечники стрел и оружие, мясо употребляли в пищу. После такой попытки «подружиться» раг'аэны ушли в море и больше никогда не появлялись у побережья. Разве что в сезон штормов, потому что когда вода еще не была под запретом, никто в здравом уме не рискнул бы сунуться на берег во время шторма.

Я замолчала, потому что К'ярд пристально смотрел на меня.

— Не так уж мало ты знаешь.

— Считал, что все люди здесь оказались исключительно благодаря «Калейдоскопу»? — вернула ему его же шпильку.

— Только избранные, — хмыкнул он.

Надо же! Какая хорошая у него память.

— Знаешь про них что-то еще? — поинтересовался К'ярд.

— Раг'аэны не приходят поодиночке. Долгие годы считалось, что их появление — предзнаменование несчастья, отчасти так оно и было, потому что шторма очень часто оставляли после себя страшные разрушения.

Он кивнул.

— Приходят. Если ранены.

Теперь уже брови вскинула я.

— Раненая раг'аэна уходит как можно дальше от стаи, — пояснил К'ярд, — чтобы не привлечь своей кровью к семье глубоководных хищников. И чаще всего погибает. У побережья.

— А если...

— А если выживает, то потом погибает так или иначе. Потому что раг'аэны долго не задерживаются на одном месте, и найти свою семью она больше не может.

— Жестоко, — сказала я.

— Жестоко, — подтвердил К'ярд и подтянул тапет поближе. — Смотри, предлагаю начать с истории возникновения вида. Вот тут есть список литературы, в котором, если закопаться поглубже, можно найти много всего интересного.

Я подалась вперед, и тут же об этом пожалела. Потому что смотреть мне надо было на дисплей тапета, в крайнем случае — по сторонам, но никак не на профиль К'ярда, который продолжал говорить, и уж совершенно точно не на его губы. Такие же резкие, как и он весь.

Едхова жесь!

Уже не помню, где я подцепила это ругательство, но именно оно всплыло у меня в голове в тот самый момент, когда я поняла, куда пялюсь. После чего мои щеки стали бывшего цвета

моих волос, который пытался пробиться корешками из-под устроенной на моей голове голубизны.

Усилием воли столкнув себя в список литературы и мысленно отвесив якорем под зад, я вспомнила, что со стороны К'ярда помимо аромата туалетной воды идет еще и звук. То есть по-хорошему, мне надо было слушать все, что он говорил.

Но это по-хорошему, да.

— В общем, ты берешь первую часть, я вторую, потом сводим это в одно и идем к тому зануде. Пусть скажет свой веский «бульк».

К'ярд оторвался от дисплея и посмотрел на меня, я же чувствовала себя примерно как рыбка-мигги перед хищной пастью. В смысле, взгляд у меня был такой же осмысленный, хотя жрать меня сейчас никто не собирался.

— Что? — нахмурившись, переспросил вверху. — Хочешь вторую часть?

— Нет, — я покачала головой.

— Тогда...

— Я прослушала.

— Что?

— Я все прослушала.

Признаться сейчас будет гораздо проще, это я поняла. По крайней мере, это свернет мои мысли в нужное направление, и я перестану вести себя как маруна.

— О сестре думаешь? — неожиданно спросил он.

Что?

Если честно, я не думала, что он запомнил, но подсказка вышла хорошая. Напоминание, кстати тоже.

— Да.

— Если хочешь, я могу помочь.

— Что? — теперь я спросила это вслух.

— Могу помочь с поисками.

— Нет!

Я выпалила это так поспешно, что у меня сорвалось дыхание, а к щекам снова прилила кровь. Правда, на сей раз по другой причине. Предложи он мне это до того, что сказал Вартас, особенно так, я бы точно согласилась. Но не теперь, когда Лэйс грозит опасность, если кто-то узнает о том, чем она занималась. В том, что К'ярд узнает все очень быстро, я не сомневалась: с его-то связями. Поэтому лучше, чтобы он вообще о ней забыл. Почему он о ней не забыл?

— Как знаешь. — Его голос снова стал холоднее, равно как и взгляд.

В том, что вверху умеют смотреть на тебя как сквозь льдину, я уже убедилась, и сейчас убедилась в этом снова.

— Вот это, — он выделил список литературы, скользнув пальцами по тапету, — твое. Изучаешь, читаешь, делаешь записи. Как будешь готова, маякнешь. Договоримся и вместе пойдем к О'лэю.

Не дожидаясь ответа, К'ярд поднялся, подхватил тапет и сумку, и вышел из библиотеки, даже не оглянувшись. Я подключилась к библиотечной сети, позволяя части книг «просочиться» на тапет, параллельно открывая те, которые выносить было нельзя. Стараясь не тянуться взглядом за закрывшуюся дверь и уж тем более не тянуться мыслями за тем, кто за нее вышел.

Что это сейчас только что было?

Перехватила взгляд светловолосой вверху, сидевший за соседним столиком, и снова уткнулась в книгу. Скоро надо будет собираться на работу, а пока еще немного времени у меня есть: того, которое нужно потратить на учебу, а не на мысли непонятно о ком. То есть непонятно о чем. То есть...

Я покосилась на стул, который выехал в проход после того, как К'ярд резко поднялся. Мысленно снова от души выругалась, за каким-то едком залезла в чат и открыла нашу переписку. Вся история нашего общения сохраняется на облачных серверах, поэтому сколько бы раз я ни меняла технику, она так и будет отзываться последним сообщением: «Что значит — занята?! Ты ничего не забыла, синеглазка?»

Я совершенно точно могла написать в тот вечер: «У меня не получается прийти, потому что мне неожиданно назначили важное собеседование», или «Я не смогу, потому что сейчас устраиваюсь на работу, которая поможет мне прокормить сестер». Вместо этого я предпочла промолчать.

Глубоко вздыхаю и пишу:

«я не могу принять твою помощь. не сейчас».

Да, ничего более идиотского не придумаешь, но я действительно испугалась. Действительно испугалась, что он начнет искать и что-то найдет.

Зачем это ему?

Зачем ему искать Лэйс?

Стираю и пишу снова:

«я не хотела тебя обидеть».

Да, это еще более идиотское заявление, чем предыдущее. Мне хочется побиться головой о стол или о тапет, вместо этого я смотрю на мигающие за курсором строчки. Когда я уже почти готова сдаться, пальцы сами собой выбивают:

«спасибо, что предложил помочь».

Я нажимаю «отправить» раньше, чем успеваю себя остановить, после чего снова возвращаюсь к библиотечному тапету. Кажется, даже успеваю найти что-то нужное до того, как мне приходит ответ:

«На здоровье, синеглазка».

Он всегда пишет очень грамотно, не пропускает заглавные и ставит точки. Может, и опечатки исправляет, или же просто их не делает. Как бы там ни было, снова возвращаясь к раг'эне, я улыбаюсь.

Глава 9. Бессильный

Лайтнер К'ярд

Неделя еще только началась, а я успел расстаться с девушкой, поссориться с лучшим другом и понять, что сила отца отказывается меня слушаться. Неутешительные выводы.

Исключение составляет разве что синеглазка, но с ней мы никогда и не дружили. Мэйс меня бесила, я ее — тоже. Нас связывала одна общая работа по подводной зоологии и раг'эна. Хотя в том, что Вирна видела и запомнила Эн, я уверен не был.

Почему? Да едх знает, почему.

Возможно, потому что Вирна ничего не спросила, когда я рассказал ей про ранения океанских бабочек. И еще раньше, когда я отвозил ее домой. Любой бы на ее месте впал в транс (даже я надолго залип, когда впервые встретил Эн), а потом забросал бы вопросами. Но Мэйс молчала, будто старалась забыть тот страшный день, и в этом я ее понимал. Хотя если она и видела раг'эну, то наверняка решила, что это галлюцинации. Если Ромина права, Вирне еще и дрянь какую-то вкололи.

Не знаю, что я больше испытывал от осознания факта, что об Эн по-прежнему знаю только я: облегчение или досаду. Просто потому что хотелось поделиться этим хоть с кем-то. Нет, не с кем-то — с Вирной. Мне казалось, синеглазка его не сдаст.

И я какого-то едха решил, что для начала мы сможем просто начать нормально общаться. Тогда я вспомнил о своем обещании Кьяне и самому себе. Но как только предложил Мэйс свою помощь, она снова меня выбесила.

Из библиотеки я выходил с мыслью, что совместная работа может превратиться в пытку. Отчасти от того, что синеглазка умеет быть невыносимой, отчасти от того, что когда она сидела так близко, у меня ускорялся пульс, словно от рывка под воду. Сегодня я мог рассмотреть ее получше, и новый образ ей удивительно шел: с голубыми волосами кожа казалась еще светлее, а губы — хотя она совсем не пользовалась косметикой — ярче. И мне невыносимо хотелось их коснуться.

Задумчивая Мэйс выглядела такой беззащитной и нежной, что я забывал, что от одного прикосновения к ней можно пораниться как о вытасченный из воды коралл. До крови. Сегодня, когда она в очередной раз меня оттолкнула, мне в очередной раз захотелось поинтересоваться, что с ней не так.

Поэтому и ушел. Куда подальше.

С мыслью, что хотя бы здесь все привычно, а не наперекосяк. Пусть даже я зол как самый глубоководный едх! В основном, правда, на себя, потому что никто меня за язык не тянул, к тому же, меня с моей помощью и раньше посылали далеко-далеко. И вообще надо Мэйс сказать спасибо за «спасибо», которое она мне сказала после ее спасения...

Сообщение на тапет пришло неожиданно.

Сначала вообще подумал, что ошибся чатом. Ну или у синеглазки украли тапет, и кто-то таким образом развлекается. Не может Вирна Мэйс за этот месяц говорить столько слов благодарности!

Только тут вспомнил слова Кьяны о том, что синеглазке приходится постоянно со всеми сражаться. Отстаивать свое право на учебу в Кэйпдоре, на жизнь в Ландорхорне. На жизнь, в принципе. Сцена в библиотеке — лучшее тому подтверждение. Другая либо попыталась бы показать, что мы вместе, либо слилась бы со стулом. Но не Мэйс!

Как она уела глазающих на нас.

Волна, а не девчонка!

— Что, или кто — причина улыбки моего мальчика?

Я так увлекся мыслями о синеглазке, что даже не сразу заметил мать, спускающуюся по лестнице. Лифт она всегда игнорировала, заявляя, что количество пройденных за день ступеней лучше всего бережет фигуру и здоровье.

— Привет, мам. — Подхожу ближе и целую в светлую, словно внутренняя часть раковин, щеку. И такую же хрупкую. Мама вся хрупкая. Даже удивительно, как она стала женой Дигтхарда К'ярда. Видимо, для мирового баланса. — Учеба, конечно же. Каждый день только и делает, что радуется.

— Что? — смеется мама. — Ты в детстве не любил школу, я не поверю, что вдруг полюбил академию. Разве что дело вовсе не в Кэйпдоре.

Она мне подмигивает.

— Дело в девушке? Ромина?

— Нет.

Едх меня забирай, нет!

— Нет, это не Д'ерри.

На лице матери расцветает улыбка.

— Значит, все-таки девушка, — заявляет она. — Но ладно. Буду ждать, когда ты нам ее представишь.

Представить Мэйс родителям? Совсем не уверен, что хочу ее им представлять. Точнее, уверен, что не хочу. Когда-то это казалось мне забавным — позлить таким образом отца. Но тот я, видимо, сгинул в океане.

Потому что нынешний я не собирался подставлять девчонку, которая и так одна против толпы.

Против студентов Кэйпдора. Против учителей, которые считают людей обузой. Против таких как Д'ерри, с которой мы пока не закончили. Она решила прикрыть собой Родреса, а тот и рад прикрыться. Без Родди доказать ее вину несколько сложнее, но едха с два они оба останутся безнаказанными. Какой бы популярной Ромина не была среди своих подпевал, большинство студентов Кэйпдора сделают все, чтобы угодить, читай подмазаться к наследнику правителя Ландорхорна. Пусть отец не спешит помогать, мне поможет мое имя.

Так что Вирна больше не одна. Она со мной.

— Мам, ты не знаешь, где сейчас отец?

То, что его нет дома — понятно и так. Она не выходит из дома, когда может ему понадобиться.

Ее улыбка блекнет. Мама по-прежнему улыбается, но уже не так искренне, как мгновение назад.

— Кажется, у него какая-то важная встреча, — она пожимает плечами. — Но к ужину должен вернуться.

— Хорошо. Спасибо большое.

— Люблю тебя, мой мальчик.

— Я не мальчик!

— Для меня ты всегда мальчик.

Мама снова смеется, целует меня в щеку и убегает по своим делам.

А я поднимаюсь в свою комнату, переступаю порог и последнее, что помню перед глазами — дизайнерский узор на полу.

Когда я прихожу в себя, узор на том же месте — подо мной. Разве что он то приближается, то отдаляется, то темнеет так, что рассмотреть его становится невозможно. В ушах шумит, а в горле скребет, будто я не пил месяца два, либо наоборот, сильно перебрал с выпивкой. Голова раскалывается, словно меня приложили чем-то тяжелым. Ко всему прочему, я не чувствую в себе не капли силы: ни силы вьерха, ни простой физической, когда не можешь пошевелить

рукой или ногой. Я долго соскребаю себя с пола, прежде чем поползти до кровати и привалиться к ней спиной.

Думал, что хоть на третий день станет легче, но нет, кажется, сегодня откат еще сильнее. Когда я соглашался на вливание силы, то точно думал не головой!

В итоге я изображаю припадочную девицу дважды в день. Утром, когда принимаю чужую силу вместо витаминных коктейлей, и вечером, когда она так или иначе покидает мое тело. Вчера, после стычки с Харом пришлось прогулять два факультатива, чтобы себя не выдать. Потому что контролировать это сложно. Если собственная сила отзывалась на любой мой зов, отцовская заставляла быть начеку и сражаться с собой каждую минуту.

Я подергал кистью, сжимая-разжимая пальцы, покрутил шеей, разминая мышцы. Силы понемногу возвращались: конечно, глыбу я не сдвину и воду не остановлю, но сейчас хотя бы уже способен держаться на ногах.

И принять душ.

Стягиваю кэйпдорскую форму, швыряю ее на стул и плетусь в ванную. Вода забирает усталость, смывает ее. Считается, что верхи не любят воду, мы же дети земли и огня, но, видимо, я родился неправильным вьерхом, потому что жить без воды не могу.

Точнее, без океана.

И подобное ждет меня еще несколько месяцев? Хидрец!

Но отказаться от этого сейчас нельзя. Не из-за отца, а из-за Вирны.

Пока не разберусь с Д'ерри, никто в Кэйпдоре не должен узнать, что я остался без сил вьерха.

Теперь даже Хар.

От мысли о друге внутри снова царапает злостью. Хочется ему выедхиваться, пусть! Мне плевать. Остынет, сам предложит мир, а пока у меня самого достаточно проблем. При всем при этом никто не отменял учебу. Доклад по политологии сам себя не напишет.

Последним я как раз и занялся вплоть до ужина. Тем более что после него мне предстоит разговор с отцом, а потом я собирался стонять в «Бабочку» и поговорить с управляющим насчет возвращения Мэйс на работу. Не хочет, чтобы я помогал в поисках сестры? Хорошо, но исправить то, что испортил сам, я просто обязан.

 После выходных нам с отцом так и не удалось нормально поговорить. Утром разговоров не получалось по той причине, что вливание силы требовало концентрации обеих сторон: меня выматывала боль, ощущение было такое, будто под кожу вливали раскаленную магму, отца все это напрягало. Пусть он мне в этом не признавался, на его лице отражалось раздражение, проступающее сквозь привычную маску Дигтхарда К'ярда. Я привыкал к чужой силе и вечером просто валился с ног, но Ромина по-прежнему посещала Кэйпдор, поэтому сегодня я собирался его дожидаться. Впрочем, долго ждать не пришлось.

Отец приехал сразу после ужина и сам пригласил меня к себе в кабинет.

Он указывает на кресло напротив себя и спрашивает:

— Как успехи с контролем силы, Лайтнер?

— Сегодня я продержался на час дольше.

— Значит, никак, — припечатывает отец.

Для него всегда так: либо идеально, либо плохо. Но меня давно не волнуют его замечания, чтобы я не делал, он все равно останется разочарован, так стоит ли стараться?

— У меня не всегда будет возможность пополнить твой ресурс, — говорит он. — Так что не забывай тренироваться. Я рассчитываю, что к следующей неделе ты сможешь показать лучший результат. Думаю, ты сам в этом заинтересован.

— Ты даже не представляешь, насколько сильно, — отвечаю, складывая руки на груди.

Отец хмурится, но так как намек, что я не слишком хочу его видеть, очень завуалирован, то и сказать по этому поводу ему нечего.

— Ты только за этим меня позвал? — интересуюсь я.

Если отец рассчитывал на то, что я смогу удерживать силу дольше суток, то я рассчитывал получить ответы на свой вопрос о судьбе Д'ерри.

— Нет. — Отец соединяет пальцы и пронизывает меня взглядом. — Я хотел бы поговорить о тебе.

— Обо мне? — я приподнимаю брови.

— Ты расстался с Кьяной М'эль. Перестал общаться с друзьями, смотришь на них, как на мусор, хотя это достойные парни и девушки. Зато общаешься с девчонкой из трущоб.

— Разве имя К'ярдов не позволяет мне общаться, с кем хочется?

— Не дерзи, мальчишка! — В голосе отца землетрясение в шесть баллов. Пока что в шесть. — Ты еще не дорос до того, чтобы приписывать себе заслуги нашего рода. Я хочу услышать, что ты скажешь по этому поводу.

Скажу, что это полный хидрец. Как давно за мной шпионят, докладывая отцу о каждом моем шаге? Даже про Кьяну узнали, хотя очень сомневаюсь, что она дала интервью кэйдорскому новостному portalу о том, как чувствует себя девушка, бросившая Лайтнера К'ярда. Что касается достойных... Попытки подлизаться ко мне со стороны последних (сообщив, что Ромина — отстой) на фоне нашей с ней "размолвки" вызывали у меня исключительно рвотные позывы. Я едва сдерживаюсь, чтобы не сжать кулаки, потому что показать, что я в бешенстве (а я в бешенстве), не самый умный ход!

— Что Шадар хорошо выполняет свою работу.

— Да, он ни разу меня не разочаровывал, поэтому я его держу рядом с собой, — отец скупно улыбается. — Но не переводи тему. Почему тебя снова видели в обществе этой Мэйс?

Он выплевывает фамилию Вирны так, будто и фамилия, и сама девушка ядовиты.

— Потому что у нас с ней общая работа по подводной зоологии. Об этом я тебе говорил сам, а Шадар забыл напомнить?

Ноздри отца яростно подрагивают, но он берет в себя в руки, и даже голос его звучит спокойно:

— Я советую тебе отказаться от совместной работы с Мэйс.

Желание Диггхарда К'ярда — закон. Его «советую» означает приказ, который нужно обязательно исполнить. Но для меня это как удар волной в морду. Потому что мое «хочу» идет вразрез с его.

Потому что мне нужна Вирна.

И я не собираюсь от нее отказываться.

Но если сейчас упрусь, то только привлеку еще большее внимание к ней.

— Я решу эту проблему, — говорю. — А что насчет моей?

— Проблемы?

— С Роминой Д'ерри, — напоминаю я, — и ее отцом.

На этот раз отец смотрит на меня, и от силы этого взгляда нехило потряхивает. А еще от осознания, что у меня теперь нет никакой защиты. Я будто человек. Люди чувствуют себя так же? Паршиво.

— Только не говори, что забыл об этом.

— Нет, Лайтнер, я не забыл. Скорее раздумывал.

И что надумал?

Хотелось так спросить, но не стану.

— И?

— Это не твоя проблема.

— Нет?

— Нет. Я считаю, что тебе еще слишком рано лезть в большую политику. Ты не видишь всей глубины.

Глубины?!

Теперь я сжимаю кулаки и рывком поднимаюсь из кресла. На меня накатывает волна ярости попеременно с неверием. Да, какая-то часть меня все еще надеется, что я ослышался.

— Проще говоря, судья Д'ерри ползет, поэтому ты его не тронешь? — рычу я. — Ты собираешься покрывать убийцу? То есть не считая того, что Ромина сделала с Вирной, она будет и дальше спокойно травить студентов-калейдоскопников, потому что родилась в «полезной» семейке?

— У тебя нет доказательств.

— Тебе они и не нужны!

По кабинету прокатывается волна силы и отбрасывает обратно в кресло, напоминая о том, что сам я бессильный.

— Не лезь в это дело! — почти кричит отец. — Это мой приказ.

— Я не собираюсь слушаться приказов того, кому плевать на справедливость.

Глаза отца светятся силой вѣрха и яростью.

— Предоставь мне думать о справедливости и законах Ландорхорна, — говорит он, — а сам сосредоточься на учебе. На хороших отношениях с достойными тебя, и на том, чтобы освоить контроль, чтобы не расходовать такой объем силы.

Не лезь.

Я сжимаю и разжимаю пальцы.

Не могу поверить, что отцу плевать на то, что у Д'ерри своя игра! Точнее, не так. У него собственные игры.

Хидрец!

— Хорошо, — говорю, хотя мой голос слегка подрагивает от ярости, что кипит внутри. Нужно успокоиться. Ради себя. Ради Вирны. Иначе меня посадят под замок или приставят сопровождение, от которого не получится отвязаться. Поэтому сейчас я делаю глубокий вдох и добавляю: — Я тебя услышал.

Отец шурится, но кивает.

Мне придется делать все самому и придумать, как избавиться от хвоста, который за мной плавает. Уйти на глубину. Особенно после сегодняшней вспышки.

Едх, в «Бабочку» сегодня тоже не получится попасть!

Может, завтра?

Отец будто читает мои мысли, потому что интересуется:

— Тебе нужно пополнить запас силы?

— Нет, — качаю головой. — Я не собираюсь сегодня вечером выходить из дома. У меня работа по политологии еще не сделана.

— Тогда жду тебя утром.

Я соскребаю себя с кресла и направляюсь к выходу.

Дохожу до лестницы и шарахаю по доспеху, попавшемуся на пути.

Сегодня поход в «Бабочку» точно отпадает. Это привлечет лишнее внимание, особенно к тому, что я собираюсь сделать. А вот завтра... Завтра я верну Вирне ее работу.

А еще решу проблему с едховым контролем! Мне нужно, просто необходимо удерживать силу весь день, не обращаясь к отцу. И я это сделаю.

Глава 10. Ночная смена

Вирна Мэйс

У меня чувство, что все повторяется, причем дважды: я в кабинете Дженны, сижу на том самом стуле, где проходило мое собеседование, Дженна затягивается и выпускает тонкий ароматный дым. А у стены стоит Н'эргес и допрашивает меня.

— Вы сегодня были в участке политари, нисса Мэйс.

Честно говоря, меня начинает раздражать это превосходство в его голосе, поэтому я отвечаю:

— Да. Вы следите за мной от самого дома, или когда я пересаживаюсь на гусеницу, потому что на Пятнадцатом слишком воняет?

Дженна прячет улыбку в уголках губ, но молчит. Ее молчание меня раздражает чуть ли не больше постоянного прессинга начальника службы безопасности. В конце концов, я не преступница, и пришла сюда по своей воле.

— О чем вы говорили?

— Не поверите. О покушении на меня некой Ромины Д'ерри, — отвечаю я.

Дженна перестает улыбаться, Н'эргес отталкивается от стены и подходит ближе. Раньше я даже представить себе не могла, что такая громадина может так бесшумно передвигаться, как зверь перед прыжком. Думаю об этом и снова вспоминаю К'ярда: текучие, плавные движения. Короткий глубокий взгляд и резкий профиль.

Да чтоб его!

— На вас было совершено покушение? — В'ерх пристально вглядывается в мое лицо.

— Ага. Вы не знали? — качаю головой. — Ай-яй-яй, такое упущение.

— Нисса Мэйс.

— Н'эстр Н'эргес, — я чуть подаюсь вперед, — вы уже расспросили меня по десять раз обо всем, о чем только можно. Если у вас есть какой-то серьезный вопрос, который вы стесняетесь задать, сделайте это прямо сейчас. Потому что я жутко устала после работы, мне надо учить задания, чтобы меня не выперли из Академии...

А параллельно еще придумать, как спрятать сестер.

— А я трачу свое время на вас.

— Вы тратите свое время? — акцент он делает на слове «вы», но Дженна останавливает его взмахом руки.

— Ригман, достаточно. Почему ты сразу не рассказала о том, что случилось, Вирна?

— Потому что он не спрашивал, — пожимаю плечами.

— Когда это произошло? И что?

Мне приходится кратко обрисовать ситуацию, и все это время безопасник сканирует мое лицо так, словно надеется там уловить малейший зачаток лжи. Зря надеется: скрывать мне нечего, а что касается «лжесвидетельства», не уверена, что из этого кабинета что-то выйдет к политари. Хотя бы потому, что я все еще думаю... нет, я уверена, что Дженна что-то знает о ныряльщиках. И Н'эргес тоже.

За все время, что я говорю, Дженна меняется в лице несколько раз, в'ерха заклинило. Поспорить могу, его давно и прочно заклинило, это выражение лица он носит, когда засыпает, когда просыпается, когда чистит зубы или сидит на толчке. Впрочем, с толчком могут быть варианты.

— Лайтнер К'ярд. Какие у вас отношения? — Дженна глубоко затягивается.

— Я уже все сказала по этому поводу.

— Не все, — она смотрит на меня, наклонив голову. — Ты не сказала, что этот парень защищал тебя в участке политари.

— Это не имеет ни малейшего отношения...

— Имеет, — перебивает Дженна. — С той самой минуты, как ты опрокинула на него поднос. Ты, девушка, проработавшая официанткой не в самом приятном заведении Ландорхорна, желающая получить это место, подставилась, потому что ничего к нему не испытываешь?

— Какое вам до этого дело?

— Самое прямое. Я хочу быть уверена, что если этот парень снова окажется в моем клубе, ты больше не станешь швыряться в него подносами.

— Не стану.

— Предлагаешь мне поверить тебе на слово?

— Можете запихнуть меня в камеру, которая вытащит из моей головы всю правду.

Судя по выражению лица, Дженна мою шутку не оценила. В общем-то, ее можно понять, эти камеры применяют спецслужбы для допросов особо опасных преступников. После применения такого «пробуждения» воспоминаний в лучшем случае человек будет всю жизнь заикаться. В худшем — пускать слюни на перекошенное левое плечо.

— Ты знаешь, кто его отец, Вирна?

— Да.

— И ты можешь мне пообещать, что не создашь проблем?

Мне хочется спросить прямо — о чем она? Вместо этого я киваю.

— Обещаю.

Дженна меня изучает.

— О том, что случилось, не знает никто, кроме вас с К'ярдом.

И управляющего, и ведущего, но я об этом не говорю.

— Мне бы хотелось, чтобы это так и осталось. Ты понимаешь, о чем я?

— Я точно никому не скажу.

— А он?

Вспоминаю его взгляд.

— Не думаю.

— Не думаешь?

Молчу. Нет, я действительно так не думаю, еще на прошлой неделе я считала его куском дерьма, которому нечего делать по жизни и он развлекается за счет других, но сейчас... Чтобы я еще знала, что именно скрывается под этим «сейчас».

— Как хорошо ты его знаешь, Вирна?

Мне кажется, или меня снова пытаются раскрутить на инфу о том, насколько мы близки?

— Погано, — говорю я. — Минусовой уровень знаний, за такие оценки выгоняют из Академии. Но он вряд ли станет трепаться о том, что его окатила напитками и закусками какая-то официантка.

Кажется, Дженну этот ответ устраивает.

— Испытательный срок — неделя, — говорит она, — приступаешь сейчас.

Почему-то у меня даже нет сил удивиться, а те, что находятся, идут на другое. Мне сегодня предстоит целая смена в «Бабочке». Смена, после которой мне нужно ехать в «Кэйпдор», и не просто сидеть на занятиях, а что-то еще и выпитывать.

— Мне понадобится форма, — говорю я, поднимаясь.

— Твоя форма готова, — отвечает Дженна.

Глаза ее сужаются, как у домашней фьери (пушистой зверюги с острыми когтями, молниеносной и быстрой), которую себе могут позволить только очень богатые люди. Или вьерхи.

Она смотрит на меня так, словно видит насквозь, или хочет это показать. Я не вижу насквозь, но я чувствую, что права. И что стала на шаг ближе к поиску Лэйс.

Поднимаюсь и подхватываю рюкзак.

— Пойду переодеваться, — поясняю под перекрестными взглядами вверху и управляющей. — А то макияж не успеют сделать.

Макияж сделать успели, а когда я надела форму (ничем не напоминающую роскошное платье, в котором была на юбилее), превратилась в самую обычную официантку. Хотя вру, обычной меня вряд ли можно было назвать: стрелки сделали меня лет на пять старше, особенно в сочетании с тушью и помадой. Тимри, которой делали макияж через пару кресел от меня, то и дело косилась в мою сторону.

— Не хочешь волосы постричь? — поинтересовалась невысокая кареглазая девушка, которая делала мне укладку.

Честь ей и хвала, потому что с такой копной управиться достаточно сложно. Я справлялась потому что привыкла, но мое «я справлялась» было далеко от того, что сделала она. Уложенные крупными локонами волосы, на затылке собранные в тяжелый пучок (хотя я бы сказала в тяжелый тючок), тянули голову назад.

— Хочу, — честно призналась я. — Заработаю и постригусь.

Тимри прыснула.

— Я сказала что-то смешное?

— Нет, просто ты разговариваешь по-человечески. Твоя сестра была той еще засранкой.

— Может Лэйси и засранка, — хмыкнула я, — но она моя сестра. Не стоит об этом забывать. Помимо прочего, я была бы очень тебе благодарна, если бы ты говорила о ней в настоящем времени.

Тимри мигом перестала ухмыляться.

— Я не хотела тебя обидеть.

— Да ты что?

— Нет, правда. С ней невозможно было разговаривать, но это не значит, что... слушай, у меня как-то сложно получается с объяснениями. Давай я лучше тебе все расскажу по залу.

По залу мне многое уже рассказывали, но это касалось юбилея. В том, что касается работы официантки, главное не расположение столиков, не знание блюд и даже не этикет, как может показаться на первый взгляд. Главное — знание клиентов, которого у меня по вполне понятной причине не было. Не к каждому можно подойти с улыбкой, скажем так, не к каждому стоит подходить с улыбкой. Дженна была права: проработав в забегаловке Доггинса, я получила кое-какой, не всегда приятный опыт. Поэтому поступок в отношении К'ярда сейчас мне самой казался идиотским.

Нет, ну чего мне стоило промолчать, а?

И с какой радости я снова о нем думаю?

Мы вышли в зал за пять минут до открытия, и Тимри глянула в мой тапет.

— У тебя пятый, шестнадцатый, двадцатый... — Она окинула взглядом мои столики. Учитывая, что сам зал был выполнен в форме крыльев бабочки, расположение в секторах тоже было весьма специфическим, приходилось внимательно следить за тем, что мне показывает рыжая и запоминать.

Сразу после открытия в зал хлынул народ (я даже не представляла, что в будни может быть настолько заполненный зал и такая загруженность). Заполнялся, он, разумеется, постепенно, но мне хватало. Я носилась между столиками на высоких каблуках с такой скоростью, которой сама от себя не ожидала. Уроки Дженны не прошли даром, а помощь Тимри пришлась очень кстати.

— Это Брайкинс за пятым. У него аллергия на айраки, так что не вздумай предложить ему салат брефто.

— Это Лоустрен, у него слегка подвижка на бюстах. Будет пялиться — не обращай внимания.

— За твоим дальним парочка, не вздумай улыбнуться. Эта девица с приветом, решит, что ты соблазняешь ее толстопузого, и заттит скандал.

В общем, такие мелочи узнаются постепенно, за время работы, но в целом подсказки Тимри здорово облегчали мне жизнь. Особенно после ситуации в ВИП-ке, которая мне теперь ночами будет сниться. Кстати, о ВИП-ках: я заметила, что часть девушек обслуживает только ВИП-зону, спускаясь вниз исключительно для того, чтобы забрать заказы.

— Как вообще туда попадают? Вне юбилея? — спросила я, когда мы с Тимри в очередной раз столкнулись у стойки, собирая заказы.

— Мы не особо горим желанием туда попасть, — хмыкнула рыжая, ловко расставляя коктейли и подхватывая подносы. — По понятной причине. Но есть такая радость, как дежурство.

— Дежурство?

— Да, в зависимости от того, сколько кабинок в ВИП-зонах заполнено, на вечер Дженна назначает дежурных. Постоянные могут заказать кого-то конкретного.

На этом мы с ней разошлись, а встретились уже только в конце смены, когда зал опустел. Танцевальное шоу собирало реквизит со сцены, а я, чувствуя, что ноги меня держат весьма сомнительно, проводила последних клиентов и проковыляла в раздевалку.

— Макияж не забудь смыть, — напомнила мне одна из девчонок, светловолосая и улыбающаяся.

— Спасибо.

Если честно, я совсем забыла о том, что выходить за пределы «Бабочки» в макияже запрещается. Переодевшись и с наслаждением (даже не представляла, какое это наслаждение!) стянув туфли на шпильках, я переобулась и направилась в туалетную комнату. Почти сутки без сна сделали свое дело, и сейчас я казалась себе маруной на ножках. Шум в ушах напоминал шум прибоя, а мысли отказывались складываться во что-то более-менее серьезное.

Пришлось смывать макияж ледяной водой (да-да, здесь была теплая, а можно было даже сделать горячую!), после чего я все-таки проснулась. Относительно.

Посмотрела на себя в зеркало и ужаснулась.

— О, ты еще здесь. — Тимри влетела в туалетную и поставила флакон на раковину. — Надровы лапки! Ты себя в зеркало видела?

Видела. В этом-то и проблема: краска со щек, маской лежавшая на лице, отказывалась смываться. Крылья бабочки размазались, и если сейчас распустить волосы, от меня даже линария с воплями убежит.

— Держи, — рыжая сунула мне в руки флакон. — Умывалка, марку запоминай. Не из дешевых, но смывает отлично.

Смывало и правда отлично, даже холодной водой.

— Спасибо, — сказала я, промокая лицо салфетками и бросая их в мусорную корзину.

— Да не за что. По поводу Лэйс... — Тимри напоследок плеснула себе в лицо водой и закрыла кран. — Я едхову хрень тогда сказала. По поводу счастья из-за того, что она исчезла. Прости.

Я кивнула.

— Почему вы с Лэйс были в контрах?

Тимри подхватила флакон:

— Я уже говорила. У твоей сестры был не самый легкий характер.

Рыжая быстро прошла мимо меня, дверь скользнула вперед-назад, гоня потоки кондиционированного воздуха, я же глянула на себя в зеркало и развернулась. С потолка, не мигая, на меня уставился зрачок камеры.

Мотнув головой, я вышла в коридор и направилась в раздевалку, чтобы забрать вещи.

Глава 11. Откровенно о главном

Лайтнер К'ярд

Сегодня, отправляясь на Четвертый круг, я, по-прежнему, ощущал в себе силу вьерха. В глазах не двоилось, в ушах не звенело, а отражение в зеркале заднего вида показывало ромбовидный зрачок.

Размышляя на тему отцовской слежки, я решил ехать в клуб в открытую. Во-первых, у меня есть членство. Во-вторых, Вирна там больше не работает.

Я беру куртку и выхожу из эйрлата, который оставляю на парковке «Бабочки». Клуб сияет неонами, он, в общем-то, один из лучших, где мне довелось побывать, стильный и в меру пафосный.

Показываю охраннику карточку, врученную мне в прошлый раз, и прохожу. Пришлось оформить членство постоянного визитера «Бабочки», чтобы попасть в ложу и заполучить себе Вирну в официантки. Сегодня мне это не нужно, я собираюсь задержаться здесь ровно столько, чтобы Шадар ничего не заподозрил, и чтобы успеть поговорить с тем, кто здесь за главного.

Без лишних вопросов меня провожают в просторный кабинет, который чем-то напоминает одну из лож — отсюда весь зал как на ладони. В остальном, в отличие от самого клуба, он несколько безликий: стол, кресла, диван. На языке слегка горчит терпкий дым, от которого не помогает избавиться даже вытяжка. И здесь слишком душно после промозглой сырости ландорхорнской ночи.

Главным сегодня оказывается вьерх, которого я в прошлый раз не видел. Владелец, судя по всему, появляется тут только по большим праздникам.

— Ньестр К'ярд? — спрашивает он. — Чем обязан?

Он улыбается, но улыбка не касается его глаз. Взгляд цепкий, изучающий. Очевидно, думает, зачем меня принесло именно к нему. Учítывая, что в прошлый раз одна из официанток клуба вывалила на мою голову поднос с закусками. Ирония в том, что я здесь ради этой официантки.

— Я хочу поговорить с вами о Вирне Мэйс, ньестр...

— Н'эргес, — подсказывает вьерх.

— Да, ньестр Н'эргес. О той девушке, с которой у нас произошло недопонимание.

Обычно услышав мое имя, все всегда вспоминают отца, и начинают нервничать. Иногда это бесит до сжатых челюстей, иногда полезно. Но этого, кажется, даже не удивляет мое появление.

— О чем именно? — интересуется Н'эргес. — В прошлый раз вы утверждали, что у вас нет никаких замечаний к работе клуба...

— У меня по-прежнему их нет, — отвечаю я. — Вся вина за тот инцидент лежит полностью на мне.

Теперь вьерх подается вперед, всем своим видом сообщая, что слушает еще более внимательно.

— Да, — киваю я. — Именно поэтому я хочу, чтобы вы вернули ей работу.

Повисает пауза, за время которой мужчина не сводит с меня глаз, но по его лицу сложно сказать, удивлен он или наоборот раздумывает, как потактичнее меня выпроводить. Неизвестность раздражает, поэтому я первый нарушаю тишину:

— Это проблема?

— Нет, — заверяет он. — Вы уверены, что мы с вами говорим об одной и той же девушке? Я хмурюсь.

— Вирна Мэйс.

— Да, Вирна Мэйс, — повторяет Н'эргес, а потом указывает в зал, где между столиков с гостями снуют официантки. — О ней?

Свет слегка приглушен, чтобы сделать акцент на сцене, но среди девушек трудно не заметить ярко-голубую шевелюру синеглазки.

— Что она здесь делает? — спрашиваю я скорее у себя, чем у вверху, но он отвечает.

— Работает.

— Разве вы ее не уволили?

Раздражение выплескивается вместе с вопросом. Значит, я тут стараюсь вернуть ей работу, а она уже ее вернула. Сама.

— Мы пересмотрели свое решение и дали ниссе Мэйс второй шанс. Вы хотите, чтобы мы ее уволили?

— Что? — Я слежу взглядом за Вирной, которая лавирует между столиками, удерживая на ладонях сразу два подноса, и поэтому до меня не сразу доходит вопрос Н'эргеса. — Конечно, нет! Я рад, что вы передумали.

Он снова жестко улыбается. Из-за этой незримой снисходительности хочется послать его к едху.

Вирна ускользает из поля видимости, и я интересуюсь:

— Я могу с ней увидеться?

— Зачем?

Так я тебе и ответил!

— Хочу извиниться за тот вечер.

А заодно кое-что спросить. И не завтра, когда придется разыскивать ее по всему Кэйп-дору — сейчас.

Лицо Н'эргеса становится хищным, сквозь вежливость понятно, что моя идея ему не нравится.

— Персоналу запрещено отвлекаться на личные разговоры во время работы

— Тогда я сниму ложу, и хочу видеть Мэйс своей официанткой, — заявляю я, складывая руки на груди.

— Вы помните о наших правилах, нэстр К'ярд?

Помню. Если Вирна швырнет в меня подносом — она снова лишится работы, а если я швырну подносом в Вирну, то лишусь членства «Бабочки».

— Мое желание как-то противоречит правилам клуба?

— Нет, — качает головой вверху. — Просто вы наш новый гость, и я хотел быть убедиться, что вы о них помните.

Я киваю и наконец-то избавляюсь от общества этого типа: меня провожают в одну из свободных лож. Не в ту, в которой мы с друзьями были в прошлый раз. Эта поменьше, но для одного-двух гостей в самый раз, и поближе к сцене, где танцовщицы в ярких костюмах показывают чудеса акробатики на шпильках. Меня словно на миг отбрасывает в тот вечер, когда мы пришли сюда с Харом и Кьяной, и с этой пискучей Джослин, которая оказалась очень даже ничего девчонкой.

Друзья.

Теперь у меня их нет.

Зато есть странные отношения с Мэйс.

Мои мысли прерывает не то вздох, не то тихое «ой» со стороны двери.

Оборачиваюсь, и успеваю заметить удивление в глазах Вирны. Но она быстро берет себя в руки и улыбается.

— Добрый вечер! Меня зовут Вирна и весь вечер я буду вашей официанткой. Что бы вам хотелось выпить или перекусить?

Сейчас Мэйс совсем не напоминает девчонку, которую я знаю. На ней нет диковинного наряда бабочки, как в прошлый раз, но форма официанток обтягивает ее стройную фигуру сильнее кэйпдорской и подчеркивает красивые ноги и грудь. В рамках приличий, но в горле немедленно пересыхает и действительно хочется выпить. Или усадить ее себя на колени и...

Вот только от стандартной и явно старательно заученной фразы меня окатывает новой волной раздражения.

— Я помню как тебя зовут, синеглазка, — хмурюсь я. — Почему ты не сказала мне, что тебя взяли обратно на работу?

— Извините, нам запрещено отвечать на личные вопросы. Хотите, я помогу вам выбрать закуски и напитки?

— Я здесь не из-за выпивки!

Взгляд Мэйс скользит по полу, стене, стеклянной перегородке, но не задерживается на мне даже на мгновение. Она рассматривает все, что угодно, а я рассматриваю ее. И пришедшая в голову догадка мне совсем не нравится.

— Здесь стоит прослушка?

Вообще-то в договоре для постоянных гостей написано, что в ложах установлены камеры, показывающие лишь картинку, не звук. И если это не так, то у меня есть много вопросов к «Бабочке» и к ньестру Н'эргесу в частности.

— Нет, — отвечает Вирна. — Она есть везде, кроме лож.

— Тогда какого едха ты не отвечаешь на мой вопрос?

Мэйс наконец-то смотрит на меня, и вместо улыбки в ее глазах на мгновение сверкают знакомые воинственные искорки. Которые, впрочем, очень быстро гаснут.

— Потому что вы посетитель «Бабочки», а я ваша официантка.

Вот заладила!

— Тогда принеси мне две банки «Лавы».

Это единственный напиток, который я могу пить, будучи за рогаткой. А еще в закрытую банку нельзя плюнуть.

— Это все?

— Да.

Мэйс вылетает из ложи, а я сажусь на диван, достаю тапет и нахожу свод правил «Бабочки». Мне скинули его, как только впервые переступил порог клуба. Страниц здесь не меньше, чем в правилах Кэйпдора для калейдоскопников, но я провожу пальцем по экрану, выделяя зеленым нужные пункты.

Думал, что Вирна будет ползти как черепаха-ерту по берегу, только чтобы подольше меня не видеть, но она возвращается достаточно быстро и ведет себя безукоризненно. Для официантки. Она наклоняется и расставляет банки с «Лавой» на низком столике, и со своего места я могу рассмотреть край ее нижнего белья.

Мэйс делает это не специально, я знаю, потому что выпрямляется она достаточно быстро. В ее жестах нет призыва, но в меня будто молния ударяет. Во всем теле вспыхивает огонь и становится очень жарко.

Я на миг отворачиваюсь, но помогает не очень. Перед глазами стоит кромка белья, подчеркивающая светлую кожу, и воздух в ложе мгновенно разогревается так, что мне действительно нужно что-нибудь выпить.

— Хотите что-нибудь еще?

— Нет, — отвечаю и указываю на банки с «Лавой»: — Присядь и выпей со мной.

— Я не могу...

— Можешь, — перебиваю ее я. — В правилах клуба сказано, что я могу угостить официантку безалкогольным напитком. В качестве комплимента.

Вирна замирает, а затем расправляет плечи и решительно тянется за банкой.

О нет! Еще раз подобного зрелища я не выдержу!

— Сначала присядь!

Получается слишком резко, и девушка едва не отшатывается в сторону, но потом послушно опускается на диван. Подальше от меня. Вот только изящность из ее движений куда-то девается, Вирна действует как марионетка, которую слишком резко дергают за нити. Открывает банку «Лавы» и давится первым же глотком.

— Эй, осторожнее!

Я тянусь, чтобы постучать по спине, но... Едх! Правила!

Поэтому приходится сбегать к кулеру в углу ложи, вручить Мэйс полный стакан с водой и ждать, пока она справится с кашлем.

— Что за... Как это вообще можно пить? — с искренним отвращением спрашивает она. Таким комичным, что я с трудом сдерживаю смех.

— Это же «Лава»! То есть название тебя не смутило? Никогда не пробовала?

Она кривится и качает головой.

— Нет. Почему она такая острая?

— Ее добывают из коры дерева Бай, и это любимый напиток всех вьєрхов.

— У вас очень-очень специфический вкус.

Я смеюсь, а Мэйс порывается уйти.

— Эй, мы не закончили, — напоминаю я.

— Я не имею права говорить на личные темы.

— Вообще-то имеешь, если я этого захочу. Это указано в пункте восемнадцать и три. О тебе мы говорить не можем, значит поговорим обо мне.

Ее плечи напрягаются, и я спешу добавить:

— Для начала, я не знал, что ты не любишь «Лаву», Мэйс. И я здесь из-за тебя.

Вирна наконец-то смотрит прямо на меня, и в синих глазах плещется целый океан чувств. Хотел бы я знать, что она сейчас думает.

— Я хотел вернуть тебе эту работу, — продолжаю я. — Потому что из-за меня тебя уволили, но ты уверена, что хочешь работать здесь?

Я морщусь и обвожу взглядом ложу.

— Сюда тебя может пригласить любой.

Я читал правила: они не позволяют прикасаться к официанткам, но им вовсе необязательно к ней прикасаться, достаточно того, что они могут прикасаться к себе. Извращенцев полно даже среди вьєрхов, а Мэйс очень симпатичная. Особенно в этой одежде, с такой прической и яркой помадой на губах.

— Может, тебе найти более подходящую работу? Поспокойнее, с тем же уровнем оплаты. Мне ничего не стоит дать тебе хорошую рекомендацию.

— Нет. — Она отвечает тихо, но твердо.

Сила подрагивает в пальцах, готовая вырваться в любой момент, и только едх знает, чего мне стоит загнать ее обратно под кожу. Приходится напоминать себе, что Вирна ко всему и ко всем относится враждебно, чтобы снова не вспылить.

— Значит, тебе здесь правда нравится?

Девушка сжимает кулаки, но тут же их расслабляет и прикрывает глаза. И упрямо молчит. М-да, с ней просто невозможно разговаривать!

— Мэйс, я потратил на тебя больше, чем когда-либо тратил на любую из своих подружек. Нам нужно поговорить, а ты не можешь просто взять и ответить на простые вопросы?

— Хватит! — резко отвечает она, и добавляет уже немного мягче: — Пожалуйста.

— Хватит — что?

— Не стоит делать вид, что нас что-то связывает.

— Разве нет?

— Ничего, кроме совместной практики по подводной зоологии.

— А то, что я тебя спас?

Вирна выпрямляется и снова смотрит мне в глаза.

— Ты пришел сюда специально? Хочешь, чтобы меня снова уволили? Для тебя это шутки?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.